

Евгений
СУХОВ

воровская

ОСА

ТАЕЖНОЕ ЗОЛОТО

Евгений Евгеньевич Сухов

Таежное золото

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18530320
Таежное золото / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67657-6

Аннотация

В 1918 году группа чекистов вывозит из Иркутска конфискованные драгоценности. По дороге в Петроград сотрудники ЧК сталкиваются с серьезной проблемой: на Урале мятеж, и двигаться дальше невозможно. Возвращаться тоже некуда – Иркутск в руках врага. Чекисты перегружают ящики с драгоценностями на подводы и спешат укрыться в тайге, белые устремляются за ними. Оба отряда пропадают в глухой необитаемой местности – и никаких следов... В 2006 году студенты истфака находят дневник белогвардейского поручика. В нем подробно описываются ценности, которые были конфискованы красными, и студенты загораются идеей во что бы то ни стало отыскать клад. Они снаряжают экспедицию, отправляются в тайгу... и вскоре сталкиваются там с опасными конкурентами. Поисками сокровищ, оказывается, занимаются не только они...

Книга также выходила под названием «Тайга мятежников любит».

Содержание

30 мая, 2006 год

5

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Евгений Сухов

Таежное золото

© Сухов Е., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

*Рай и ад не в конце жизни – они здесь и сейчас.
Каждый момент открывает дверь, и в каждый
момент вы можете двигаться из ада в рай, из рая
в ад.*

Шри Раджниш. «Корни и крылья»

*Очень много лет назад
Мы в лесу зарыли клад.
Мы зарыли под сосной,
Но не скажем, под какой.*

Считалка

30 мая, 2006 год

Над столицей сибирского государства распростерся обширный антициклон. Солнце жарило, раскаляя дома, мостовые, головы четырех миллионов людей, населяющих этот город великих возможностей. Плавился асфальт. Маревое зноя накрыло студенческий городок Новониколаевского университета. Тополя, облепленные пухом, напоминали предынфарктных старцев. У крыльца шестого корпуса пыхтел отработанным топливом автомобиль экстренной медслужбы – кому-то из преподавателей журфака стало плохо.

Зато на факультете общественных наук царила поздняя осень. Дверь в аудиторию украшало объявление: «Заходите на лекцию – у нас прохладно!» В просторном амфитеатре храма знаний работали кондиционеры, дышалось легко и свободно. Неудобства доставляла лишь сама лекция.

– Итак, уважаемое собрание, проклятый вопрос российской истории – «Почему?». – Доктор исторических наук Леонид Осипович Загорский насмешливо обозрел аудиторию. – Более пространно – «Почему так плохо?», или «Почему так глупо?», или «Почему так кроваво?». Практически все труды по истории России представляют попытку дать ответ либо уйти от ответа. Сегодня мы не будем разбирать гипотезы «народа-богоносца, осаждаемого бесами», «особого пути России» и другие измышления, подменяющие ар-

гументацию заклинаниями. Тратить время на «географический детерминизм», объясняющий все беды расположением на стыке Европы и Азии, мы также не будем. Турция расположена аналогично, Панама с Египтом сидят на двух стульях, во всех этих странах случались периоды подъема и упадка, вырастали собственные претенденты на роль Ивана Грозного, Петра, Троцкого, но развернуться им не давали. Давайте разберемся, почему именно Россия вот уже тысячу лет ковыляет по обочинам.

– Это безобразие, я против... – прошептала Чеснокова – эксцентричная брюнетка со смешными косичками в форме рожек. Генка Шуйский сидел рядом с подругой и согласно сопел. Максим Казаченко не стал комментировать. Чеснокова было решительно права. Весенний семестр на третьем курсе практически завершен, зачетная неделя подходит к концу, до начала экзаменов две недели – пустота, академический вакуум, время, когда студенты корпят над билетами, штудирруя сложный курс, а не внимают заумным лекциям. А ведь профессор известный интриган, он может выдумать еще и не такое...

Непредсказуемая личность продолжала вещать:

– Начнем, как водится, с начала. Переломный момент российской истории – монголо-татарское нашествие. Во многих исторических трудах недостатки общественного строя Руси объясняются наследием пережитого от степных захватчиков. Так неловкий адвокат смягчает сердца присяжных, свали-

вая жестокость подзащитного на дурное влияние друзей детства. Подобная аргументация уничтожается одной фразой: «За прошедшие годы обвиняемый мог бы и повзрослеть». Ну что ж, начнем с детства и «плохой компании». Рассказывая, каким положительным был некогда предмет исследования, обычно ссылаются на богатые культурные традиции городов Древней Руси – Киева, Новгорода, Смоленска. Действительно, было вече – инструмент демократического контроля княжеской политики и зачатки европейской феодальной традиции договоров сюзерена и вассалов. А также зарождающийся «средний класс». Вот только нынешняя Россия начиналась отнюдь не там, хоть и просится в преемники. Более того – именно основатели нынешней России не пожалели ни сил, ни времени, ни чужих жизней, стремясь уничтожить наследие Киевско-Новгородской Руси. К сожалению, им это удалось.

По флангу закряхтели, Максим повернул голову и обнаружил прогульщика Иннокентия Семигина, которого минутой назад здесь не было. Постоянно где-то витает – тридцать пять мужику, вечно взъерошенный, спешащий. Работает корреспондентом в «Сибирском вестнике», а еще жена на шее – вздорная, не работавшая ни дня в жизни (а Семигин – та жертва, которую требует ее красота).

– Не знаешь, – шепнул Семигин, – он сам придумал или можно прочесть?

– Не знаю. Сиди и слушай.

– А как я буду слушать, башка трещит – не евши, не спавши, редактор последнюю статью разнес, сказал, что чересчур хорошо, поскромнее бы надо, а еще Люсьен...

– Слушай выборочно, – перебил Максим, – Загорский источники на доске напишет.

– А если сам импровизирует?

Максим вздохнул, сделал вид, что Семигина не знает, – и очень вовремя: всевидящее око уже отметило нарушителей дисциплины. Ходили ужасные слухи – что профессор способен уловить не только горловой шепот, но также неплохо ориентируется в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах.

– Люсьен, говорю, в деревню укатила... – по инерции бурчал Семигин. – Думал, неделю проживу по-человечески...

– Семигин! – повысил голос профессор. – Вы опять опоздали?

– Ах да... – сказал Семигин и сделался каким-то звездно-полосатым.

«Запугали человека», – сочувственно подумал Максим.

– Лекция не футбол, – хрюкнул за спиной Генка Шуйский.

– Проще забить, чем не забить, – разжевала Чеснокова.

– Не возражаете, если я вас отвлеку, Семигин? – профессор иезуитски улыбнулся.

– Сделайте одолжение, Леонид Осипович, – сглотнул Иннокентий.

– Спасибо. Как вы думаете, чем отличались в начале вто-

рого тысячелетия верховья Волги от Поднепровья?

Семигин растерянно уставился в потолок и снял с него первое попавшееся:

– Способом хозяйствования, профессор...

– Странно, вы попали, – удивился Загорский. – Не забудьте раскрыть тетрадку и записать все, что я скажу. А после лекции – переписать ее начало у Казаченко. Итак, опоздавший вы наш, хозяйство северо-востока Руси от хозяйства юго-запада отличалось принципиально. Лесостепи юга – теплый климат, черноземные почвы. Для прокорма семьи большой участок не требуется – юг густо заселен. Зимы короткие и мягкие – нет повседневной нужды в калорийной пище, требуется меньше теплой одежды. Вместо бревенчатой избы – строение из лозняка, обмазанное глиной. Мало хороших пастбищ, но и без лошади можно обойтись – участок маленький, лето долгое, хватит и вола. Север, напротив, – обилие лесов, бедная почва, долгая зима и короткое лето...

– А мы и не знаем, – пискнул кто-то из задних рядов.

– Знаете, – согласился Загорский. – Я прекрасно помню, что преподаю не натурологию в первом классе гимназии. Итак, север Древней Руси. Почвы подзолистые – надо засевать обширные площади, разводить скот. Строить прочные избы с большой печью. Для перевозок нужна лошадь, поскольку поля бескрайние. Леса снабжают ягодой, орехами, мясом. Лось не хуже, чем корова, и его не надо выращивать. В достатке топлива и материала для строительства. На лек-

циях по всемирной истории вам расскажут, как во Франции в конце XV века вводили жестокие наказания за самовольную вырубку, отказывались от бань и заменяли кулинарию холодными закусками – не от хорошей жизни. Леса практически вырубili. России подобная катастрофа не грозила – пока власть не захватили большевики...

Профессор сделал паузу, звякнул графинчиком. По аудитории прошелестел завистливый гул. Максим украдкой повертел головой. Достало всех – по тысячному разу. Бергман с Худасевичем играли на галерке – то ли в карты, то ли в мини-монополию (без кубика и простыни). Ничем орлят не испугать. Задумчивая Алла Микош – пережившая развод и целый месяц украдкой наблюдавшая за Максимом – прекратила зевать, подперла подбородок кулачком и думала, чем бы еще заняться. Шептались Генка с Чесноковой: первый предпочел бы, чтобы его мозги утекли за границу, а не в канализацию, а Чеснокова высказывала мнение, что в жару быстрее худеешь. Остроумный Генка тут же предлагал подруге рецепт похудения: понедельник – яблочко, вторник – репа, среда – простокваша, четверг – полбананчика, пятница – разгрузочный день, суббота – кремация.

– Не могу избавиться от ощущения, что меня не слушают, – задумчиво изрек профессор.

– А вы пулемет на стол поставьте, – восторженно воскликнул Бергман.

Аудитория вяло похихикала. Профессор тоже улыбнулся.

– Я подумаю, Бергман. Итак, северные леса. Жители применяют подсечно-огневой метод, давно забытый на юге и западе... Госпожа Микош, отложите, пожалуйста, зеркальце и напомните нам, что такое подсечно-огневой метод.

Алла Микош, нашедшая себе занятие, уронила «рыльный» аксессуар (как остроумно окрестил его Генка), изобразила страдание – дескать, будьте снисходительны, профессор, не все же такие умные, как вы.

– Понятно, – ухмыльнулся лектор, – городские дети. Овощи произрастают на прилавках, за рекой мычат бифштексы по-английски. Послушаем, что скажет Бергман – соседу он уже проиграл, заняться нечем...

Здоровяк Бергман обиженно пророкотал:

– Помилуйте, профессор, это вовсе не карты... – ухватил подсказку и забормотал: – Ну, это устаревший экстенсивный метод, профессор... Задолго до посева деревья на участке подсекают. Весной, когда сухо, жгут, потом обрабатывают и засевают... Как-то так.

– Ну, примерно, – допустил профессор. – У вашего батюшки плантация, конечно, на высшем агротехническом уровне, но и предысторию забывать не стоит. Только одна ошибка – карымы в Забайкалье применяют этот метод и сейчас, отбиваясь от егерей. Итак, участок засеян, осенью даст урожай... Мамаевский, вы чего там возитесь?

Вечный двоечник Мамай гладил по коленке Леонору Сорокину. На последней вечеринке Леонора проиграла Мама-

евскому в «американку» – а пари заключали на «все, что хочешь». А что еще можно хотеть от первой красавицы потока? Сорокина отодвинулась. Мамай покраснел. Студенты, особенно те, кто были в курсе, гаденько захихикали.

– Это еще ничего фамилия... – прошептал с верхотуры Генка, склоняясь к Семигину с Максимом, – у меня соседом в Петропавловске был капрал по фамилии Пузо – худой, как лопата. Так он впадал в бешенство, когда при нем называли его фамилию...

– Это ерунда, – возбудился Семигин. – Я недавно читал мемуары одного лейб-гаденыша... Имелась в Ростовской губернии купчиха Евлампия Семижопова. Понятно, что замучила ее такая жизнь: написала прошение Николаю – дескать, избавь, государь, сил нет терпеть, не жизнь, а каторга, только ты вправе дать добро на перемену фамилии... А вправе действительно был только царь – такая вот бюрократия. Прошла Семижопова все инстанции – волостные, уездные, губернские – протолкнула прошение. Уйму сил и средств извела. Добралось прошение до царя, просмотрел Николашка послание, подумал и поставил царственную резолюцию: «Хватит и пяти...»

Была короткая пауза, после чего Чеснокова испытала нечто вроде эйфории. Генка, не сдержавшись, гоготнул, Максим преодолел икоту. Только профессор не разделял этого праздника жизни. Физиономия лектора багровела на глазах. Чеснокова ужаснулась:

– Полундра, братцы, все под столы...

До спецкурса по тому же предмету (и преподаватель тот же самый) оставалось сорок минут. Неудобное «окно» разрывало весь день. Но пропустить занятие – самоубийство. Загорский припомнит, приплюсует поведение на лекции, завалит на экзамене – и здравствуй, осенняя пересдача. Максим прошел полквартала до Университетской площади и расположился под зонтиком открытого кафе «Приют демонстранта». Кормили здесь плохо, но всегда предоставляли зрелище. С незапамятных времен Университетскую площадь (прозванную в народе Балаболкой) облюбовали профессиональные крикуны. Дня не проходило без деклараций и протестов. Городские власти поступили правильно: сняли запреты, ввели налог на митинги и соорудили перед колоннами бывшего Дворянского собрания помост для ораторов – с очень скрипучим настилом.

Сегодня тоже митинговали. Вокруг помоста скопились дюжина протестантов с плакатами, десятка три зевак и две машины местных телеканалов. Рыжий здоровяк с камерой расталкивал скучающих, шагая к трибуне – искал ракурс, при котором горстка собравшихся смотрелась бы многотысячной толпой. В ожидании официанта Максим развлекался зрелищем.

– Спасем от гибели наших товарищей, брошенных в ханский зиндан! Долой тирана, ввергнувшего трудолюбивый кокандский народ в бесправие, голод, нищету! – поставленным

баритоном выводил активист.

За спиной застенчиво покхекали. Максим повернулся. Из ниоткуда материализовался юнец – скорее цыган, чем узбек. Протянул разграфленный лист с пометками и ручку, пробормотал, опустив голову: «Помогите нам в нашей борьбе, ну разве вам трудно?» Словно милостыню просил. Трое за соседним столиком уже послали его куда подальше – двое военных и смешливая девчонка легкомысленного поведения, объясняющая парням, что она не Суворов, с простыми солдатами не спит, но, в принципе, если у парней есть деньги и в течение недели они хоть раз мылись... Паренек все совал коллекцию автографов – Максим отстранил тянущуюся руку, проворчал: «Проходи, не подаю». Завертел головой – куда пропал официант?

Борец с тиранией продолжал балаболить. Судя по гладкой ряшке и ладно сидящему костюму, лично его голоду и нищете не подвергали. Физиономия довольная – словно сметаны наелся. Собравшиеся нестройно подвывали – тоже без особой муки. В тени под тополем перекуривали трое полицейских – при щитах, в касках, с дубинками. Позировали для кадра «ожидаются столкновения с антидемократическими силами». Грустный сборщик подписей покинул аполитичное заведение, сунулся к румяному пролетарию, шагающему пить свое законное пиво. Отшатнулся, посланный громко и точно...

Сибирь охотно принимала эмигрантов – места вдоволь,

работы хватает. Но у терпимости есть и темная сторона. Вслед за трудягами тянулись диссиденты всех мастей – маньчжурские сепаратисты, российские реставраторы, исламские еретики, японские пацифисты. Случись размолвка с кем-то из соседей – повысят соседи пошлины, прижмут сибирских экспортеров или вспомнят, что по древнему протоколу граница должна пролегать севернее – Кабинет министров Сибирской республики командует «Фас!». Соответствующим эмигрантам подбрасывают на бедность, рекламодатели ориентируют прессу... Вчера, пролистывая каналы, Максим увидел Вечного Плакальщика – политического обозревателя Маданникова. Ростки демократии в Коканде выдраны с корнем, мусульманский радикализм наступает – из Персии в Туран через Месопотамию. Отечество в опасности, не остановим сейчас – орды озверевших от жары фанатиков хлынут в Сибирь... Из нод протеста можно оперы писать. Сегодня угнетенные узбеки, вчера – какие-то славянствующие, позавчера – садомазохистский научный семинар, стихийно выплеснувшийся на улицу (тоже у людей проблемы). Полицейские настучали им по бубнам, но те не обиделись. Кредо у людей такое – прожить жизнь так, чтобы было мучительно больно. Манихеи, бывает, соберутся – полное мракобесие, причем на каждом шагу. Одна из веток христианства. С третьего века шагают по миру. Зародились в Персии, расползлись от Китая до Франции. Как ни давили, бесполезно – вылазят отовсюду. Терминология простая: свои –

это «свет», чужие – это «мрак». Реальность – это мрак, общество – мрак, правила – мрак, законы – мрак, правительство – полный мрак (хоть здесь не ошиблись). Зато наркотики и секс – это именно то, что надо...

Официант в засаленной рубашке возник, когда до начала занятий оставалось двадцать минут. Вытер ладони о предназначенные для вытирания ладоней брюки и не очень ласково осведомился:

– Чего изволите?

Максим вздохнул:

– Кефир изволю. И плюшку с маком.

Он вошел в аудиторию, протиснулся на предпоследний ряд и, чтобы сделать приятное меланхоличной Алле Микош, сел рядом с ней. Алле стало приятно – улыбнулась и плавно сократила дистанцию. Семигин влетел за Максимом, покрутился вокруг оси и плюхнулся за первый стол у кафедры – остальные места были заняты.

В затылок дышали Генка Шуйский с Чесноковой – почему они всегда оказываются сзади?

– Представляешь, – Генка обмахивался газеткой с гороскопами, – на этой неделе отличное время для приобретения недвижимости за рубежом. Чеснокова говорит, что это судьба.

– Приобретай, – пожал плечами Максим, – только не рассчитывай на вспоможение. Я не слишком преуспел на финансовом поприще.

– Обидно, – зашипела Чеснокова, – а мы надеялись на выделение кредитов... На пиво хоть наскребешь?

– Наскребу, – он чувствовал плечом дыхание соседки – Алла Микош вторглась в личное пространство и притормозила, не решив, что делать дальше. Максим поощрительно улыбнулся – настроение после плюшки и кефира было терпимым. Испортил его профессор, вошедший в аудиторию.

– Еще раз всех приветствую, господа студенты. Отдохнули? Перекусили? Все собрались, в чью обязательную программу входит мой предмет?

Ироничные глазки придиричиво обозрели три десятка страдальцев, выбравших будущей специальностью историю.

– Обойдемся без преамбул, – объявил Загорский, подошел к кафедре и украдкой заглянул в нее – не подложили ли манихеи бомбу? – Мы завершили цикл лекций на тему «Мировая война: причины, боевые действия, результаты». Тема следующего цикла – «Гражданская война 1918–1924 годов». Господа и дамы, вы заканчиваете третий курс, – в голосе профессора зазвучали патетические нотки. – Отшлифовали зубы о гранит науки, сдали в ломбард розовые очки... Надеюсь, некоторых из вас можно считать взрослыми людьми. Вы с чем-то не согласны, Бергман? Чеснокова, отодвиньтесь от Шуйского, Микош – от Казаченко... Не буду перечислять вам свои ученые звания, титулы, награды – поверьте, в истории я немного разбираюсь. Так вот, господа и дамы, постарайтесь запомнить: науки под названием «история» на све-

те... не существует!

– Дожили... – бухнула Чеснокова.

– С ума сошел, – согласился Генка. – Врача пора вызывать. На хрена нам несуществующие науки, неприменимые в домашнем хозяйстве?

– А что же мы изучаем? – спросила худая, как штык от трехлинейки, Севастьянова, папа которой работал омским банкиром и заседал в попечительском совете.

– Вы изучаете историографию – описания процессов, механизм которых не ясен до сих пор. Поясню на примере химии: любой студент-первокурсник способен не только изложить в виде уравнений проведенную реакцию, но и предсказать, что получится, если в одной колбе встретятся те или иные реактивы. То же с физикой, астрономией, биологией – науками, чья конструкция имеет математический фундамент. У истории нет математического фундамента, поэтому называться наукой она не имеет права. Пожалуйста, не надо озабочиваться сакраментальным: «За что три года мучились?» Вы посещаете лекции по психологии – уважаемый Аристид Илларионович и его адъюнкт Кукушкин объяснили вам, что наличие души – вопрос спорный. Год назад вы сдали зачет по теологии – что вы знаете о Боге? Не в упрек – я тоже ничего не знаю. Резюмирую: задача тех, для кого история – предмет не профилирующий, – вызубрить и сдать. Но таких здесь нет. Ваша задача – учиться исследовательской работе: перекрестной проверке дат, фактов и предпосы-

лок под неусыпным надзором собственного здравого смысла. Кому не по зубам – еще не поздно поменять специализацию.

– Христа ради, Леонид Осипович, к чему вы это говорите? – жалобно протянула Севастьянова.

Студенты озадаченно перешептывались.

– Сюрприз готовит, – прошептал Максим на ухо Алле. – Посмотри, какой загадочный.

– Чую, – отозвалась девушка, – не кончится это добром. Мы еще нахлебаемся с ним до экзаменов...

– Все успокоились? – профессор сделал короткую паузу. – Никто с воплями не бежит в деканат? Вернемся в семнадцатый год. Николай II прославился даром полной прогностической слепоты. Накануне Русско-японской войны, закончившейся поражением и революцией, самодержец изрек: «Япония кончит тем, что меня рассердит». Чудом сохранил власть, втянул страну в еще одну бессмысленную бойню, потерял последние крохи монаршего авторитета и даже не расстроился. Прочтя телеграмму Родзянко о начавшейся в Петербурге революции, отреагировал бесподобно: «Опять этот толстяк написал мне разный вздор, на который я даже отвечать не буду!» Людовика XVI защищали швейцарские наемники и несколько десятков французских дворян. Николая не защищал НИКТО. Гвардия разбежалась, Церковь отвернулась, августейшая родня спешно паковала вещи. Покапризничав, Николай отрекся – как всегда, не думая о послед-

ствиях...

– Вы забываете о семье! – вскричала Липатова с передней скамьи. Окружающие недовольно зароптали. Обожала эта выскочка листать «великосветские» журналы, ища свою фамилию в геральдических справочниках.

– Ошибаетесь, Валерия Семеновна, – обращение по отчету у Загорского было сродни презрению, – о семье я помню. А царь забыл. Решил покончить с собой – дело хозяйское, но детей-то зачем за собой тащить? А страну, которую поклялся беречь и приумножать?

– Не подерутся, – вздохнул за спиной Генка. – Вес у них разный.

– Революция победила – быстро, неожиданно и малой кровью. Власть досталась Временному комитету Думы. Председатель – князь Львов – серый, скучный, неинтересный. Члены комитета – профессиональные болтуны. Кричали о демократии, справедливости. Все у них имелось – полномочия, поддержка масс. Враги слева – большевики – еще слабы, враги справа – дезорганизованы. Что им мешало провести выборы, разработать земельные проекты, распустить по домам хотя бы небоеспособные воинские части? НИЧЕГО, кроме собственной бездарности. Спорили, произносили речи, пугали друг друга неведомым Бонапартом, пока толпа пьяных матросов не разогнала их прикладами.

Липатова хотела что-то возразить, но поперхнулась. сосед Бакланов постучал ее по спине. Профессор удовлетво-

ренно кивнул.

— Большевики развалили страну и армию, но от власти отказываться не собирались — что бы там ни говорил Ленин об «отмирании государства». Красная гвардия ненадежна, революционные матросы никуда не годны — что и доказали в Зимнем и под Нарвой. Сразу после переворота началось формирование «частей особого назначения» — из маргиналов всех национальностей, от испанцев до китайцев. Костяк ЧОНов составили германские военнопленные. А были еще и австрийские... Чехи, призванные в австро-венгерскую армию, сдавались сотнями. К семнадцатому году в России набралось несколько десятков тысяч чешских «пацифистов». И тут чехи объявляют, что хотят воевать на стороне Антанты. Сформировали чешский корпус, но на фронт отправить не успели — Временному правительству было не до того, а большевикам — незачем. После Бреста корпус оказался в подвешенном состоянии — на фронт отправлять нельзя (да и не было больше Восточного фронта), интернировать — некуда, уничтожить — как-то неудобно. Нашли компромиссное решение — чехи едут во Владивосток, там садятся на пароходы до Европы, а дальше — как хотят. Понятно, в Европу проще попасть через Архангельск или Мурманск, но воевать уже не хотелось. Пока доедут, пока пароходы обогнут Азию — глядишь, и мир наступит...

На железных дорогах царил полный хаос. Эшелоны корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. А тут — восста-

ния в городах, Краснов, Деникин... Советской власти нужны бойцы, а демобилизованные солдаты разбежались по домам и увлеченно стали делить землю. Попробуй собери. Неизвестно, сам ли Троцкий додумался, или кто подсказал – в мае восемнадцатого телеграф разнес приказ: чехов мобилизовать в Красную армию, недовольных разоружать. Наполеон подобные приказы называл преступными. Чехов на каждой станции – от взвода до батальона, а у красных и того нет. Воевать за большевиков чехи не хотели и без труда разогнали ревкомы от Волги до Амура...

А теперь, – профессор ослабил удавку, сжимающую аудиторию, – пример экстенсивной политики москвитов. Когда большевикам потребовались средства – на армию, на возведение новых властных структур, – начались конфискации... Пятнадцатого мая восемнадцатого года Иркутск покинул пассажирский поезд, набитый «торговыми мужичками», не прижившимися в Сибири крестьянами, китайцами – будущими красноармейцами. Только в двух последних вагонах, охраняемых вооруженными чекистами, хватало места. Но посторонние туда не допускались... Чекисты выполняли приказ Менжинского – доставить в столицу реквизированные у иркутского зажиточного люда драгоценности. Наворовали много, конфискации сопровождались расстрелами, выселением уцелевших из собственных домов. Казнены известный филантроп, меценат и коллекционер Шалимов Павел Афанасьевич, инженер Протасов – специалист по мосто-

вым сооружениям, действительный статский советник Дымов, действительный тайный советник Переверзев, директор местного художественного музея господин Пестрокрылов, десятки офицеров, купцов, ювелиров, лабазников, члены их семей, случайные прохожие... До Поволжья, слава богу, доехали. Не за горами Саратов. И тут депеша со следующей станции: чехи, растянувшись по Транссибу, прибирают к рукам магистраль, свергая советскую власть! Они уже на станции, они везде! Уполномоченный Яков Субботин, отвечающий за груз, принимает решение – возвращаться в Иркутск! Решение авантюрное – прорвутся, а дальше? Белочехи – повсюду. Отцепляют лишние вагоны, добывают паровоз – и обратно: через добрую треть России, Урал, половину Сибири-матушки... Проехали Красноярск, отстреливаясь от чешских разъездов, до Иркутска так и не добрались. Кончилась в Иркутске советская власть. До Тулуна верст сорок осталось, когда опять депеша – с восточной станции: вам навстречу движется бронепоезд с белыми, по вашу душу! Срочно принимайте решение! Субботин, надо отдать ему должное, соображал быстро. Загнал вагоны в тупик, отправил людей в ближайший хутор – за подводами. Конфисковал у крестьян всех лошадей, несогласных расстрелял, расписку написал, шутник, дескать, все вернем, когда наши придут. Перегрузили ценности на подводы – а что-то и бросили, мелочиться не стали – да на север, по тайге, по бездорожью. Уйти от погони, спрятать награбленное... А тут

и белые на своем бронепоезде. Прибрали брошенный груз – и в погоню за красными. А на чем? – чекисты все гужевое в округе конфисковали. Потеряли массу времени – пока объездили дальние хутора, набрали лошадей, сумели организовать погоню...

– Ох, люблю я такие истории, – потер ладошки поздно расставшийся с детством Бергман.

– Догнали, Леонид Осипович? – спросил Генка.

– Интересно стало? – обрадовался лектор. – Увы, молодые люди, концы истории обрываются в тайге, и каждый волен завершить ее по собственному усмотрению. Известные факты таковы: сломалась подвода, перегружать нельзя, тогда и другие от тяжести сломаются. Часть отряда пошла дальше, оставшиеся сгружали золото с подводы, чтобы зарыть в ближайших складках местности. Налетели крестьяне, у которых головорезы Субботина постреляли родню и конфисковали имущество. Чекисты приняли неравный бой, погибли, тут крестьяне и поняли, что за груз им достался. Присвоить, правда, не удалось – белые подоспели. Уничтожили мародеров, оставили поручика с пятью солдатами – латать телегу и убираться с золотом на станцию (с приказом они, кстати, справились), а основные силы – вдогонку за красными...

Профессор замолчал, обвел торжествующим взором притихшую аудиторию.

– Сочиняет, поди... – выдохнул в затылок Генка.

– Сочиняет, – подтвердила Чеснокова, – надо же чем-то пробуждать интерес к своему предмету.

– Догнали? – тупо вымолвил Бергман.

– Не знаю, – простодушно признался Загорский, – никто не знает. Пропали оба отряда. Красных было человек двадцать, белых – штыков около полусотни. Последняя информация – от поручика с отделением солдат, вернувшихся на станцию. История, покрытая одеялом Изида, дорогие мои. Никто их больше не видел, хотя периодически находили истлевшие трупы (в том числе лошадиные), оружие без боеприпасов и даже два ящика с конфискованным золотом! Места исключительной глухоты, деревенек раз-два и обчелся. Да и сейчас этот район не назвать особо развитым. Промышляли какие-то экспедиции, блуждали золотоискатели-одиночки с металлоискателями, кому-то повезло, ходили слухи о якобы найденных ценностях, несколько человек пропали – вероятно, утонули в болоте...

– И теперь это стало одним из мифов, – вздохнула Алла.

– Отчасти да, госпожа Микош, – согласился не жалующийся на слух профессор. – Но особой популярностью этот миф не пользовался – даже невзирая на слушок, что одной из составляющих груза была знаменитая коллекция буддистских статуэток, принадлежащая убиенному купцу Шалимову. Слабоватая версия. Имеется более весомая – что незадолго до гибели купец припрятал свою коллекцию в безопасное место, да так ловко, что ее не нашли и по сей день...

– Простите, профессор, – подняла руку неутомимая Липатова, – вы имеете в виду ту самую мистическую коллекцию иркутского мецената, о которой в начале прошлого века ходили легенды?

– Ту самую, госпожа Липатова, – подтвердил профессор. – Но мы уже достаточно отвлеклись, не будем рассуждать о том, чего не знаем. Осталось двадцать минут – тема лекции: «Военные действия в Сибири и Туране, 1918–1921 годы». Списки рекомендуемой литературы у меня на кафедре.

Любил он историю родного края и лекцию слушал внимательно. Одно из наиболее загадочных явлений XX века – большевики... Те самые, что катались на воротах перед Зимним. Разбили Деникина, Врангеля, запугали всю Европу... и тихо растворились в многообразии политического спектра. Что бы натворили эти люди со страной, не построй Колчак в 19-м непробиваемый омский бастион, расколов огромную Россию на две неравные половинки? Страшно представить, каких бы бед они натворили, захватив территорию от Смоленска до Владивостока...

До захвата нынешнего Эрмитажа никто не принимал их всерьез. А потом... Издевательский Брестский мир – и Совдепию не дает в обиду кайзеровская армия. Весна 19-го – немцы выводят войска, бастуют рабочие в Астрахани, Брянске, Туле, Петрограде. «Диктатура пролетариата» расстреливает бастующих. Так называемые интервенты, захватив порты, ждут развала, чтобы подобрать лакомые куски. Белые

твердят о «России единой и неделимой» – и если получают помощь, то символическую. Поляки заняты собственными проблемами – разоружают немцев, давят местных коммунистов, отрезают кусочки от Литвы, Белоруссии, Украины. Прибалтика с Финляндией блюдет нейтралитет. Но есть армии на Дону, Кубани, в Сибири. В Эстонии Юденич формирует отряды – из студентов и гимназистов. Ключевой этап Гражданской войны – белым удастся договориться (знаменитая Ялтинская конференция в феврале 19-го) и выступить одновременно – в марте. Деникин – с юга, Колчак – из Сибири, Юденич – на Петроград. Деникин уже в апреле вязнет в Поволжье, тылы разложены, казаки заняты грабежом. Части отступают. У Юденича с его малолетками – те же проблемы. Поляки катятся на запад. Сравнительные успехи у одного лишь Колчака. Знаменитое сражение на реке Белой, когда растрепанные части белогвардейцев сбросили с плацдарма передовой отряд 11-й армии Тухачевского, а через день заставили ее отойти. Почему Верховный правитель России не пошел на Москву – огромная загадка современной истории. Почему переборол свои амбиции, решил довольствоваться малым, отведя войска к Омску? Блестящий ученый, исследователь Арктики, талантливый полководец и... совершенно никудышный политик. И вдруг такой прозорливый ход. Грешили на влияние любовницы – некой Елизаветы Гольдберг, пришедшей на смену Анне Тимиревой, которую застукали с молодым человеком (возмож-

но, инсценировка – дабы избавиться от «серой советчицы»). Грешили на энергичного Пепеляева, руководившего Сибирским правительством, отодвинувшего Колчака от дел, в которых тот не смыслил, и невольно поспособствовавшего созданию реноме «гения XX века». Историки расходятся в оценках. Но факт остается фактом. Грабежей практически нет, крестьянство не тошнит от Колчака, поступает РЕАЛЬНАЯ (пусть и небольшая) помощь от Антанты. И в тот момент, когда красные добивают Деникина с Врангелем, Колчак успевает закрепиться в Омске, где две железнодорожные ветки сходятся в одну. Можно, конечно, пустить по степи конные армии, но казаки тоже умеют рубиться. В Сибирь сбегается все, что способно шевелиться. Второе наступление Тухачевского захлебывается под Красным Яром. Командующий Восточным фронтом, размахивая «маузером», плюясь словами, незаменимыми в бою и на производстве, лично выезжает на позиции, где разведка 4-го гвардейского полка и отбивает его от штабной охраны. Видя летящих на него казаков, Михаил Николаевич Тухачевский разряжает обойму «нагана» и гибнет под копытами молодого жеребца. Белые стоят насмерть, красные пятятся к Тобольску...

Двадцатый год – Колчак отправляет казачьи корпуса Анненкова и Дутова в Туркестан. Англичане бесперебойно, а главное, бесплатно снабжают Сибирскую армию оружием, снаряжением, боеприпасами. «Серый адмирал» не собирается растрачивать золотой запас империи. Войска Врангеля,

эвакуированные из Крыма, через Закавказье присоединяются к Сибирской армии, где остро не хватает офицеров...

Рейд Дутова на Астрахань проваливается, но «омский бастион» стоит. Весной 21-го сибиряки переходят в наступление. Усилиями Гувера и Клемансо представители красной Москвы и белого Омска усаживаются за стол переговоров. Чичерин болтает о «новой экономической политике», намекает на скорые «демократические выборы» в Совдепии. Пепеляев тоже что-то врет о «стремлении к миру». Заключается перемирие на пять лет, которое никто не собирался соблюдать. Большевики прибирают Закавказье, дают крестьянские восстания. Колчак вытесняет японцев с севера Сахалина, Камчатки, Приморья, а кадровые части ликвидируют мятеж Семенова в Забайкалье – вместе с самим атаманом и немалой частью его вольницы...

– Ну что ж, – сказал профессор, внимательно выслушав звонок на перемену. – Будем считать, что лекцию прослушали. Внимание, господа, внимание, – он поднял руку, когда студенты засуетились, заворошили своими конспектами и котомками. – Кто сказал, что я вас отпускаю? Должен огорчить – следующая неделя не оскудеет духовным развитием. К четвергу 12 июня – то есть ровно перед первым экзаменом – а он у вас история – жду от каждого по новелле. Тема – «Как я участвовал в Гражданской войне». Излишне говорить, что все, не сдавшие курсовую, к экзамену допущены не будут.

Студенты цепенели, оценивая масштаб бедствия. Профессор издевательски улыбался.

– Прошу не возмущаться, господа, работа предусмотрена учебным планом. Пишите и мудрейте. Источники работы – мемуары тех, кто действительно участвовал в Гражданской войне на любой стороне: солдата, офицера, мирного жителя, главковерха, если наглости хватит. Выбор за вами. Место действия – на ваше усмотрение. Объем – не менее двадцати машинописных страниц. Годы – с восемнадцатого по двадцать третий. Разбейтесь на группы по пять человек, и пусть каждая выберет любезный ей год. Роль – у каждого своя. Предупреждаю – переписчикам беллетристики, кино- и телепродукции и просто сочинителям – пощады не будет. Ссылка на источники обязательна.

– Сюрпрайз... – пробормотал за спиной Генка.

– Будет чем развлечься, – убитым голосом сказала Чеснокова.

– А так хотелось на пляж... – прошептала Алла, прижимаясь к Максиму коленкой.

Он видел, как Семигин, сидящий за первым столом, завертел головой, погрузил лапы в нечесаную шевелюру и вдруг провалился в задумчивость.

– Позвольте, профессор... – подняла руку растерянная Севастьянова.

– На что жалуетесь? – встрепенулся Загорский.

«На вас», – прошелестело по аудитории. Возмутительнее

некуда. До экзаменов две недели – нужно с головой зарываться в материал по всем пяти предметам, а не заниматься ерундой, которая отнимет не меньше недели.

– Леонид Осипович, а может... – потерянно начала Севастьянова.

– Может, – улыбнулся профессор, – но тогда забудьте о высшем образовании. Передавайте привет папе, Севастьянова, – надеюсь, вы не собираетесь поднимать в ружье попечительский совет? Итак, ближе к делу, господа студенты. Кто возьмет восемнадцатый год?

Семигин что-то прочертил глазами, и Максим поймал искру.

– Давайте, – начал он выбирать из-за стола.

– Ну что ж, – согласился профессор. – Вам, Казаченко, как отставному военному и карты в руки. Кто пойдет с Казаченко?

За спиной мгновенно выстроилась очередь. Генка с Чесноковой, как положено, дышали в затылок, раньше прочих сообразив, что держаться надо тех, кто хорошо учится и разбирается в военном деле. За парочкой пристроился Семигин, оттолкнув освобожденную от физкультуры Севастьянову. Пока та пыхла и поправляла прическу, а с другого конца класса неслись Бергман с Худасевичем, заключительное пятое место заняла Алла Микош – показала язык картежникам и на всякий случай взяла за хлястик Семигина. «Соавторы, – тоскливо подумал Максим. – Интеллектуальные пара-

зиты. Расцветят личными переживаниями его работу и побегут за положительной отметкой».

— Отлично, — под общий хохот возвестил Загорский. — Не сказать, что цвет нации, но бывает и хуже. Добро пожаловать в боевую командировку, храбрые хронотуристы. Надеюсь, вы не будете по мне скучать... А теперь выставляется девятнадцатый год!

...Опередив толпу на остановке, он втиснулся в рейсовый «Томич», сунул водителю сибирский рубль, обеспеченный золотым запасом и экономикой страны, дождался сдачи, облюбывал заднее сиденье, закрыл глаза. Потекли размышления о превратностях учебного процесса и о том, чем он будет кормить (и поить) товарищей по несчастью. Все четверо заявили, что придут на закате — обсудить создавшееся положение и наметить тропки к спасению. Генка с Чесноковой проживали в общежитии, сами они не местные (один из Енисейской губернии, другая — с Петропавловской), всегда не прочь на халяву поесть и развлечься. Семигин что-то имел в виду — подмигивал аж двумя глазами — заявил, что придет непременно, как только разберется с работой и сбросит с хвоста прилипчивого редактора. Алла Микош тоже была из городских, проживала на Комендантской в однокомнатной квартире, отвоеванной у бывшего супруга, несколько раз призывала Максима в гости, но он так и не собрался, считая, что в общении с Аллой следует проявлять осторожность.

О военном прошлом он старался не вспоминать. Нико-

му в семье военная стезя не принесла удовольствия. Спасибо бабушке-буддистке. Только в шестидесятых сняли запрет на производство в офицерские чины «лиц нехристианского вероисповедания». Но бумаги Андрея Леонтьевича, подтверждающие внушительный послужной список (за рубежом), еще долго путешествовали по инстанциям. «Русский – и буддист? – возмущались чиновники в погонах. – Был бы хоть калмык... И куда ему в офицеры, если вера убивать запрещает?» Андрей Леонтьевич устал объяснять, что чэнь-буддизм никому и ничего не запрещает. Ссылки на христианскую заповедь (не убий) приводили к обидам и истощенным воплям: «Вон его! С лестницы! И наподдать хорошенько!» – отчего страдали мебель и нижние чины, но никоим образом не страдал Максимов папа...

В семьдесят шестом, когда в китайские головы ударила имперская моча, а Максиму исполнилось три года, генерал Марков (внучатый племянник того самого, деникинского) стукнул кулаком по столу: «Да пусть хоть черту молится! Мне офицеры нужны, а не попы!» – и Андрей Леонтьевич Казаченко, отставной капитан французского Иностранного легиона, майор четников, полковник колумбийской армии, был принят поручиком в Омский полк. После Турфана получил роту, у Синина – батальон. Войну закончил полковником – без руки, с гулом в голове и психованной женой.

Сынок, не верящий ни во что, тоже выбрал военную стезю, возглавлял десантный взвод, во время Кокандского ин-

цидента был переведен в разведку, отказался возглавить 9-й отдел – самый темный уголок в секретном департаменте – и через год с треском был отправлен в отставку. В тридцать понял, что в жизни надо сделать что-то странное, – поступил в университет. Отец скончался шесть лет назад, мать – годом ранее, не дожив до пятидесятилетия. Осталась хорошая квартира в центре Новониколаевска, где Максим проживал один и часто недоумевал, зачем ему такие хоромы. Полгода прослужил охранником в Окружном банке, совмещая работу с учебой, подрабатывал грузчиком, летом 2005-го два месяца провел в тайге на Енисее – собирал кедровые орехи; гонял машины из Японии в нищую Россию; март-апрель занимался «телохранением» одной богатой купчихи, страдающей манией преследования, после чего на счету образовалась неплохая сумма и пропало желание искать работу в этом суматошном городе... А вообще-то столица обширнейшего на планете государства ему нравилась. Большой зеленый город. Изгадить природу не успели. Никаких «рукотворных морей», уничтожающих природу и человеческие поселения. Пусть в России тонут, а в Сибири – канадский вариант – несколько ГЭС и ни одного водохранилища, заметного на карте. Возводят каскады – по несколько станций. Ни болот, ни разливов. Течет река, по берегам – леса, поля, деревни... А там, где Гарин-Михайловский построил мост, – нормальный современный город. Столица без губернии, с маленьким столичным округом (еще Колчак в свое

время заявил, что не желает лишний раз спотыкаться о губернских столоначальников). Живут все подряд – русские, хохлы, китайцы, барабинские татары, казахи, белорусы, узбеки, киргизы... Теплицы держат украинцы и корейцы, сапожные мастерские – армяне, прачечные – китайцы, рестораны – кто угодно, в полиции служат славяне и корейцы, в конторах – немцы, поляки, евреи. Японцы предпочитают руководить, но не у всех получается. Выходцев из села – подавляющее большинство, их легко отличить: «баре», если что, зовут полицию, а недавние крестьяне предпочитают справляться сами – не любят доносить, а приучать в XX веке было некому...

Посреди моста через Обь лихач на иномарке подрезал «Томича», водила выразился в тему, оживив клюющих носом пассажиров. Максим открыл глаза. Распахнулась панорама города. Официозный центр на правом берегу, сверкающий стеклом и камнем – окруженный кольцом многоэтажек, перемежаемых особняками. «Барский квартал», населенный в основном чиновниками. К северу – Театральный квартал, где театры, рестораны и бордели мирно уживаются с храмами различных конфессий. На юге старые заводы – бывших фабрикантов Зимянина, Куровского, выросшие в многопрофильные промышленные гиганты. Предприятия японских «дзайбацу» – крупных концернов, прописавшихся в Сибири. Вдоль реки на севере – стыдливо прикрытый доками Шанхай, где азиаты давно и без драки вытеснили славян. Ле-

вый берег, район особняков, посольств, отгороженный рекой от суши правого, украшен парками, старейшими сибирскими университетами, но вынужден терпеть Синьцзян – китайский квартал – и пролетарский Затон с торговым портом. Западная окраина – полукольцо садов, огородов, теплиц. Уютные бордели в красивых особняках – разрешены официально, как и в царской России, с регулярным медосмотром, преysкурантом на стене гостиной, налогами, взятками полиции и криминальной подкладкой – малолетки, наркотики, сбыт краденного...

Маршрутка уже втягивалась в центральную часть. Конец рабочего дня, пятница. Мегаполис гудел. Молодежь, туристы всех окрасов, служащие покидали конторы. Технический прогресс, не подгоняемый войнами (ни одной «нормальной» войны за восемьдесят лет – одни локальные конфликты!), никуда не торопился – машины преимущественно старые, десяти-, двадцатилетней давности, подержанные «Барракуды», «Корветы», смешные и опасные корейские «Хагацу» – прозванные в народе табакерками. Изредка мелькали навороченные «Фиаты» или «Форды» с хромированными бамперами. Рекламные плакаты по всему Николаевскому проспекту: «Чтоб потом не горевать, торопись застраховать!» Ресторанчики, где казахи в одинаковых костюмах изображают японских менеджеров среднего звена, магазины готового платья – от последних мировых достижений до подержанных, отдающих едкой химией (не все еще

в стране шьют одежду на заказ). Обувные салоны, где сибирские модельные туфли успешно притворяются итальянскими. Знаменитая Плешка с отзывчивыми девушками, в любой момент суток исполняющими самые неожиданные мужские фантазии. У здания Фондовой биржи рабочие из России выворачивали старые бордюры. Кафе «Шорох» (в простонародии «Поганка»), пользующееся заслуженной репутацией у людей, не оставляющих без работы полицейские структуры...

Не доехав до окружного прокурорского инспектората и Александро-Невской церкви, маршрутка свернула на Кабинетскую, где движение было односторонним. Двое вышли на Вшивой горке, еще двое – за горбатым мостом. Максим зашевелился, стал протискиваться между сиденьями.

– Девушка, наступлю...

Пассажирка отдернула туфельку, посмотрела на него снизу вверх, кокетливо улыбнулась.

– Меня Патрицией зовут, молодой человек...

Он вежливо улыбнулся, не глотая наживку. Женщина может сколько угодно прикидываться двадцатилетней – и даже выглядеть на тридцать, но ей никак не меньше сорока. Мода шестидесятых, когда Сибирь поссорилась с Японией и тут же кинулась дружить с Америкой. Дружили недолго, но успели вырасти тысячи Патриций, Сарджентов, Ричардов, прочих Дональдов и Сюзанн. Как над ними, бедными, ни потешались в школе, во дворе, вообще по жизни...

Он стоял у книжного шкафа и тянул кофе из фарфоровой чашечки. Гражданской войны – две полки с гаком. Еще отец начинал, пытаюсь доискаться – почему остановились на Урале? Почему амбициозный адмирал, душой болеющий за Россию, предпочел синицу в руках? На вопрос взрослого сына – а чего мы там, за Уралом, не видали? – обозлился и больше с сыном на эту тему не разговаривал. Шатался по каким-то царистским кружкам, клял «возомнившую о себе провинцию»... Он так и не узнал, куда спешил тогда отец, в феврале двухтысячного. Мороз после оттепели, обледеневшая дорога, факел на обочине... Незачем вспоминать.

Он, привычно слизнув гущу, отставил чашку и потянулся к полке. Нестор Иванович Махно – военный гений и политический профан. Нашли же союзника... Однако воплотить в жизнь идеал анархии «свободные люди и кони на вольной земле» до Махно никому не удавалось, и после – тоже. Профессору нужен мемуар? Пожалуйста, Лева Задов. «Воспоминания артиста контрразведки». Сушная самореклама, но и батьку не забыл. Не тактика, а песня! Фланговые охваты, глубокие рейды по тылам, тайные базы снабжения по всем азимутам. Феноменальная способность крупных соединений бесследно исчезать и появляться в соседней провинции как ни в чем не бывало – с лошадьми, тачанками, обозами, бабами. Организация – куда там курдам или кхмерам. Страна-армия, прекрасно обученная, мгновенно реагирующая и, главное, невидимая для врагов...

Следующий фолиант. Виктор Пепеляев – генерал в двадцать девять, премьер в тридцать. Невозмутимая правая рука Колчака. Екатеринбург, омская оборона, маньчжурская операция. Подавление казацких мятежей описано скупо, и напрасно – дай им волю, этим Анненковым, Семеновым, Унгернам с дикими «азиатскими» дивизиями – давно бы в Сибири социализм построили. Прожил долгую счастливую жизнь, скончался в семидесятом, в объятиях детей и внуков... Не пойдет.

Он раздраженно выдернул какую-то брошюрку. Комиссарские агитки Тухачевского – давно пора выбросить. Провалил два похода, нервный, неуравновешенный тип, раздавленный копытом...

Антон Иванович Деникин – стоит ли ворошить прах неудачников? Скинул армию на Врангеля, приплыл из Новороссийска в Стамбул, где и скончался на второй год в дремучей тоске, до последнего дня игнорируя ехидные приглашения Колчака посетить Сибирь, осмотреть достопримечательности...

Все не то – если он правильно понял постановку задачи. Хочешь не хочешь, придется заглянуть в архивы публичной библиотеки...

Первым заявился Генка – бормоча, что много пива не бывает, сгрузил в холодильник сетку, сделал умное лицо, постоял у книжного шкафа, потом махнул рукой и начал обход квартиры.

– Ну сдай комнату, – жалобно проканючил из спортзала, пробуя гантель на полпуда, хватаясь за спину и костеря «первые шаги старости». – Куда тебе такие хоромы, здесь же страшно одному? А так одну комнату мне, другую – Чесноковой, будем вечерами друг к другу в гости ходить.

– Перебьешься, – буркнул Максим, – самому тесно. Ты ду- мал, от чего плясать будем?

– Конечно, – соврал Генка. – Плясать будем от мемуаров Блюхера.

– А у тебя есть? – удивился Максим.

– Не-а, – помотал шевелюрой Генка, – ни у кого нет. Не успел он их написать. Товарищи к стенке поставили – за провал Польской кампании и экспорта мировой революции.

– Врать нельзя, – вздохнул Максим. – Загорского не пальцем делали. Ладно, давай по пиву и будем ждать Семигина. Загадочный он был сегодня, обморгался весь, пообещал прийти, но пока не видно.

– Слушай, а в Гражданскую репортеры были? – встре- пенулся Генка.

– Были, – кивнул Максим, извлекая собственное пиво из холодного бара. Генка просиял. – Репортеры даже на Куликовом поле были. Из газеты «Древнерусские новости». Не вздумай хохмить. Дмитрий прихватил с собой десять человек – чтобы после битвы было кому изложить правильную версию событий. Кто эти люди, по-твоему?

– Врешь, – хихикнул Генка, щелчком откупоривая пиво. – Признайся, что придумал.

– Вот они, Фома неверующий, – Максим осторожно вытянул книгу в синем переплете (осторожность нужна – недавно притупил бдительность, уронил на ногу «Анну Каренину», три дня потом хромал), – «Пропагандистские операции – с древнейших времен до наших дней». Найди в оглавлении Куликовскую битву. Эти гаврики перечислены поименно. А насчет репортеров в Гражданскую – хватало и этой публики. Писали впрок победные репортажи и доносы – кто в чека, кто в контрразведку. Героически гибли от тифа и сифилиса...

Второй нарисовалась Алла Микош с коровьей меланхолией в глазах. Одногоруппники сидели в креслах и культурно распивали четвертую емкость. Обнаружив, что она не первая и вряд ли в ближайшее время удастся утонуть в объятиях Максима, Алла тяжело вздохнула, поправила сбившуюся бретельку и извлекла из авоськи квадратный штоф «Софьи Андреевны».

– Ого, – поежился Максим. – Это явно превышает наши естественные потребности.

– Ты не прав, – возразил Генка. – Молодец, Аллочка. Именно так – под водку и барышень. А как еще решать наболевшие вопросы? Ну чего сидишь, хозяин дома? Беги на кухню, готовь что хочешь, лишь бы получилась закуска. Не сумеешь – девчата помогут: чувствую уже на лестнице чугун-

ную поступь Чесноковой...

Действительно, нарисовалась Чеснокова в самой короткой в мире юбке. Похмыкивая, оперлась на несгораемый шкаф в прихожей и недоверчиво обозрела гостиную, где народ выпивал и закусывал.

– Ну и ну... – недоверчиво поводи́ла носиком. – Надеюсь, не опоздала. А что? Производим хорошую импрессию... Напомните мне, как называются периодические запои?

– Дипсомания, – сказал Генка. – Исключительно для борьбы с ипохондрией. Ты уж не корчи из себя бздюху, тащи из серванта манерку и в ритме пиано падай на канapé. Штрафную будешь пить.

– А Семигин где? – пересчитала присутствующих Чеснокова.

– А бес бы знал, – пробормотал Максим, разливая по четвертой. – Видно, он не будет, видно, обманул... – создавалось удручающее впечатление, что обсуждение серьезных вещей перерастает в банальную пьянку и вероятный свальный грех: сомнительно, что Алла Микош уйдет сегодня домой (а провожать ее точно не хочется). Да и Генка с Чесноковой, занимавшиеся «этим делом» везде, кроме квартиры Максима, без боя не сдадутся. Он подмечал краем глаза, как Алла втихаря обозревает бескрайнюю гостиную, намекая, видимо, отправные точки. Спас положение нечесаный Семигин, заявившийся после пятой.

– Здра-авствуйте, дорогая редакция... – обрадовался Ген-

ка, – вот они, дятлы пера и облитой цикорием клавиатуры... Манерку из серванта захвати и падай куда-нибудь, мы подвинемся.

Алла попробовала привстать, чтобы подвинуться, но шатнулась и передумала. Спиртное как-то странно действует на дам, превращая их в красных девиц. Практически в индианок.

– Не ожидал, – признался Семигин. – С кем я связался, как мне стыдно! – после этого он непринужденно примостился на подлокотнике, засадил увесистую штрафную и невзначай погрузил нос в декольте Чесноковой.

– Но-но, – сказал Генка.

– Нравится? – живо поинтересовалась Чеснокова.

– А толку? – пожал плечами Семигин. – Ты мечта, Чеснокова, а нормальная мечта должна быть недостижима. Нас с тобой разделяют имущественные, нравственные и социальные барьеры. Долой Шуйских, одним словом.

– Но-но, – повторил Генка.

– Но дело в другом, – тоном заговорщика сказал Семигин. – Есть идея, коллеги. За полтора дня мы можем решить задачу, поставленную Загорским, ни на йоту не отступить от условия и вознести себя в его глазах, то есть облегчить себе жизнь на оставшиеся два года отсидки.

– Надо выпить, – обрадовался Генка, хватаясь за бутылку.

– Выкладывай, – повелел Максим.

– Я работаю в редакции «Сибирского вестника» уже тре-

тий год, – сообщил Семигин с таким видом, словно раскрывал тайну старого пирата. – Пью чай по три часа в день, флиртую с девчонками и левой ногой царапаю заметки. Временами правлю бездарные и безграмотные сочинения. Дело было под Новый год. Вызвал лично Гундохин – главный редактор – и сунул пухлую рукопись, отпечатанную на «ундервуде». Дескать, пришел в редакцию старенький дедушка и передал мемуары отца, который имел славную боевую биографию. Лично перепечатывал мемуары и даже пытался что-то править. Лучше бы не пытался, грамотей... – Семигин потянулся к салу и чуть не грохнулся с кресла вместе с Чесноковой. – Прости, красавица... Поддай-ка мне вон тот отрезанный ломоть... Так вот. Гундохину хотелось материала по Гражданской войне, приуроченного к восьмидесятилетию разгрома последнего забайкальского бандита атамана Кочеткова. И сунул мне этот манускрипт – дескать, приведи в божий вид, ты же у нас одаренный, страдаешь словарным запасом. А мы тебе заплатим. Я дома посмотрел – мать честная! Ошибка на ошибке, про литературные способности сочинителя просто молчу – там не редактировать, а заново писать надо! Времени уйдет прорва, а расценки построчно, и хоть ты тресни, больше не дадут, даже если догонят. А на подходе Новый год, зимняя сессия... Ну и подумал я – на кой мне это счастье? Вернул Гундохину, на стол бросил, дескать, ищите другого идиота. Правда, перед сном внимательно прочел...

– Зачем? – простодушно спросила Алла.

– Так интересно же! – вскричал Семигин. – Без балды, ребята, сами по себе мемуары очень интересные. Папаша этого старого неуча Воропаева – а он и сам, естественно, Воропаев – окончил школу прапорщиков в Иркутске, весной восемнадцатого еле выжил, когда на город свалилась советская власть, отступил с саперным батальоном к Байкалу, а потом, когда из Верхнеудинска прибыло чешское подкрепление, вышвыривал красных из города. Все этапы боевой биографии расписаны подробно и со смаком. Производство в поручики. Стычки с красными в Забайкалье, выдавливание этих бандюков из Сибири, наступление на Волгу в рядах колчаковских войск, оборона Омска, разгром Тухачевского в двадцатом, снова Забайкалье – штаб барона Унгерна – еще союзника Колчака, беготня за буйными Семеновым и Анненковым, вторжение 12-го кавалерийского полка в Монголию – с целью добыть скальп барона Унгерна – уже не союзника, а Дракулы местного разлива... Восемнадцатый год описан очень подробно – как раз то, что нам нужно.

– Какого же хрена ты отдал редактору рукопись? – затосковал Генка.

– А я знал? – резонно возразил Семигин. – Знать бы, где упасть, – снял бы копию. Подозреваю, в редакции не нашлось дураков, кто взялся бы редактировать эти мемуары, – в приложении они не выходили, это точно. Спрошу у Гун-

дохина, может, вспомнит. В лучшем случае где-нибудь валяются мемуары, в худшем – старичок забрал и отволок в другое издание. В них нет ничего художественного или исторически ценного – если где пылятся, я думаю, вернут. В крайнем случае можно навестить старичка – полгода назад он был еще жив.

– Вот завтра и займешься, – сказал Максим, ловя одобрительные импульсы окружающих. Найдется работа и для Максима – он не сомневался. А утро, судя по тому, что осталось на столе недопитым, будет проблемным...

Но самое интересное еще не началось. Семигин сделал очень загадочное лицо, барским жестом повелел разливать и произнес речь:

– Рукопись я найду, не сомневайтесь. И готовьтесь до Рождества поить меня пивом и другими вредными напитками. А теперь один из эпизодов боевой биографии поручика Воропаева. В июне 18-го красным в Иркутске свернули шею. Но до этого чекисты успели провести конфискации у зажиточных людей и массу народа расстрелять. Награбленное упаковали, опечатали, опломбировали и под надзором отдельной банды ВЧК отправили эшелоном в Петроград. Не знаю уж, докуда он доехал, но чешский мятеж поменял планы, и вагоны с брюликами повернули обратно. Поручик командовал отделением и получил приказ: влиться в сборный отряд белогвардейцев и беспрекословно повиноваться штабс-капитану, если не ошибаюсь, Волынцеву. Информа-

ция начальника станции из Красноярска о прохождении чекистов в теплушках, эшелон из четырех вагонов, трехдюймовая полевая пушка на платформе, свист в ушах... описано очень патетично. В общем, помчались навстречу красным, которые уже подъезжали к Турову – сто верст на запад от Тулуна. Но красные тоже оказались не лопухи, информацию перехватили, выгрузились в Турову...

– Можешь не продолжать, – хмыкнул Максим.

Наступила тишина. Студенты осмысливали сказанное. Чеснокова перетирала зубами нежующееся сало. Генка некультурно в бокале с минералкой устроил бурю с пузырьками.

– Как-то я, кажется, немного не очень... – не совсем осмысленно начала Алла, – но нечто подобное в обозримом прошлом...

– Профессор рассказывал на лекции, – подхватил Генка, – та самая история, покрытая мраком, обросшая легендами и преданиями. В глухой тайге пропали два отряда и очень много драгоценностей... Последняя достоверная информация: чекисты хрякнули телегу, оставили людей прятать золото в буераках, сами пошли дальше. На оставшихся налетели крестьяне, побили красных, налетели белые, побили крестьян... Словом, известна судьба нескольких солдат, вернувшихся с брошенным золотом на станцию.

– Которыми командовал поручик, – хитро блеснул глазами Семигин, – по фамилии Воропаев.

– Шика-рно... – восхищенно протянула Чеснокова.

– Дождались ближайшего эшелона в Иркутск, добрались до места, сдали груз по описи в комендатуру... И честно отправились служить Родине. А Родина послала этих достойных людей в действующую армию Колчака. В боях за станцию Камышлов солдаты Воропаева полегли под плотным пулеметным огнем, сам отделался легким ранением с заиканием, госпиталь, снова действующая часть... В общем, судьба закружила. Никого из того отряда, ушедшего в тайгу, он больше не видел.

– Ха, – сказал Генка, – а помните, профессор упомянул знаменитую коллекцию Шалимова? Существует гипотетическая вероятность, что она была среди конфиската...

– Вот именно – гипотетическая, – отмахнулся Максим, – то есть вряд ли. Сам же профессор и сказал.

– Помню, – оживилась Чеснокова, – наиболее удобная версия – Шалимов спрятал коллекцию в тот же день, когда коммунисты захватили власть.

– А я читала про эту коллекцию, – встрепенулась Алла. – По ГлоСу как-то бродила, делать было нечего... Сайт назывался «Чудеса света, не дожившие до наших дней». Отдельный раздел – «Коллекция купца Шалимова». Этот дядечка был не только филантроп и меценат, но и азартный путешественник. Исколесил Китай, Бурятию, Монголию. Собирал по дацанам предметы буддистского культа – где-то силой, где-то сами отдавали. В итоге получилось собрание золотых

статуэток, овеванное мифами и легендами... Купец возил ее по миру под охраной – выставял в Париже, Нью-Йорке. Сохранились дагерротипы, фотографии. Полные аншлаги, ажиотаж, наплывы посетителей... Считалось, что коллекция обладает мистической силой – в ее присутствии у людей случались галлюцинации, люди теряли ориентирование, столбенили... Выставяли коллекцию, понятно, под мощным стеклом – чтобы хоть как-то нейтрализовать злую силу.

– Бред какой-то, – фыркнула Чеснокова.

– Не надо говорить про мистическую силу, – поморщился Максим. – Уместнее сказать – мощная энергетика. Явление неизученное, но не вымысел. Предметы культа впитывают все дурное, с чем народ приходит молиться, копят энергию, создают вокруг себя тяжелую ауру... Почему древние русские иконы обладают магнетизмом? Не наши слащавые портретики, рисуемые юнцами в художественных мастерских, а настоящие, еще не разворованные и не проданные? А потому что повидали за столетия столько – и не только повидали, но и натерпелись... При Федоре Алексеевиче существовали, например, «семейные» иконы – принадлежали отдельной семье, которая приходила в храм и на них молилась. Другим на эти иконы молиться запрещалось. Сбудется, что просил, – помоют, цветочками обложат. Не сбудется – можно и побить икону, злых слов ей наговорить, отвернуть лицом к стенке...

– Дикость какая, – фыркнула Чеснокова. – А чего их

в храм тащить? Ну и держали бы дома, там бы и молились.

– Так в храме благодать, а дома – откуда? Ладно, ерунда все это, – Максим расстроенно вздохнул. – От коллекции Шалимова нам ни холодно ни жарко.

– А все равно любопытно, – сказал Семигин. – Не знаю, чем уж зацепила Воропаева эта история, но уделил он ей в своем талмуде достаточно места. Даже обрывки подслушанных диалогов приводил. Казалось бы, зачем? При отряде, что пыхтел на паровозе навстречу чекистам, были двое штатских. Парень с девушкой. Молодые, интеллигентные. Вроде жениха с невестой. Девицу поручик описывал особо с грустью – видно, зацепила парня. Красива Даша, да не наша – вот так с печалинкой и писал. Жениха звали Илья Кольцов – студент, из обеспеченных, хотя и не дворянского сословия. То цапались с Дашей, то миловались. И в тайгу за красными она со своим Ильей подалась и сгинула там вместе с ним... Любовь, итить ее.

– А ей-то зачем? – не понял Генка.

– Вот и мемуарист подумал – зачем? – кивнул Семигин. – Любовь, конечно, штука сильная, но чтобы в тайгу, по зверью и бездорожью гнаться за чекистами, которым нечего терять... Кто она такая? А Илья Кольцов кто такой? Не смотрелись эти двое в компании. В общем, не буду ходить вокруг да около. – Семигин плеснул себе в стакан, как последний эгоист, осушил залпом: – Почему я, собственно, опоздал? Общался с одной прекрасной девушкой сорока пяти лет –

она трудится в нашей редакции в информационно-архивном отделе. Звонок в Иркутскую картинную галерею, где народ доселе любит собранными Шалимовым творениями, беседа с тамошним архивариусом... Из всей родни на белом свете у Павла Афанасьевича Шалимова в 18-м году осталась сестра Анастасия Афанасьевна. Проживали в одном квартале. Отношения нормальные, но слегка натянутые. В замужестве – Кольцова. Сынок у ей – Кольцов Илья Константинович. Большой умница, специалист по буддистскому «народному промыслу». В тот день, когда чекисты нагрянули к Шалимову, молодой человек находился у дядюшки дома и имел уникальную возможность наблюдать за расправой и конфискацией. Выжил – он же в этом не виноват? А почему выжил – вопрос отдельный. А теперь подумайте, друзья мои, что погнало молодого человека в опасную дорогу – жажда мести за любимого дядюшку или нечто большее? И насколько в свете последней информации укрепляется версия о присвоении чекистами знаменитой шалимовской коллекции?

Загалдели все разом. Да, интересно, и почему бы не допустить, что бесценная коллекция, выручку от продажи которой планировали пустить на нужды молодой Советской республики, действительно не сгинула в тайге? Генка гремел посудой, махал руками. Семигин доломал-таки подлокотник и уселся Чесноковой на колени. Алла Микош выбралась из надоевшей меланхолии и превратилась в смышленную барышню с разыгравшейся фантазией. Больше всего ее по-

чему-то беспокоило: сколько может стоить коллекция? Максим пытался остудить пыл.

– Позвольте, дорогие мечтатели-практики, – возмущался он, – такое ощущение, будто я разговариваю с задницами! Во-первых, не одни мы такие догадливые, всю тайгу на север от Турова давно прочесали с металлоискателями, спотыкаясь о черепа людей и лошадей. Во-вторых, места там глуховатые, а нынче – и подавно, поскольку те края никто не осваивал и строителств не вели. Десятки тысяч квадратных километров непроходимой чащи! Обиталища диких староворов и прочей сомнительной публики! В-третьих, неизвестно, как долго продолжалась погоня и чем она, собственно, кончилась. В-четвертых, потрепанные чекисты могли оторваться от погони, доставить коллекцию по назначению товарищу Менжинскому (что, понятно, не афишировалось) и пустить ее на нужды молодой Советской республики. Сбывать могли и по частям. В-пятых, непонятно, зачем Семигин замутил эту историю с «девушкой сорока пяти лет», если задание у них совсем другое. В-шестых, не пора ли прекратить эту пустопорожнюю болтовню и заняться наконец делом? Почему бы не выпить, в конце концов?..

Последнее предложение было кстати. Выпили все и как-то разом приумолкли, погрустнели. Алла задумчиво катала по тарелке соленый шампиньон. Чеснокова нервно распускала косички, как бы намекая, что пора и баиньки.

– Да ладно, – тяжело вздохнул Семигин, – это я так, по-

дурковал. Интеллектуальная разминка. Адреналин, все такое. Понятно, что мы – дети большого города, и шанс найти сокровища у нас примерно такой же, как дожить до полтора-раста лет.

Завершение буйного вечера отложилось в сознании смутно. Про сокровища забыли, домашнее задание тоже не вспоминали. Семигин – автор идеи, вот пусть и ищет свою потерянную рукопись, а остальные должны думать, на какие шиши поить его до Нового года. Генка мешал мартини с «Софьей Андреевной», пьяно уверяя, что этот коктейль напоминает разведенный яд щитомордника каменистого (где он пробовал эту дрянь, неизвестно). Чеснокова непослушными руками распускала вторую косичку. Алла Микош решила наклюкаться и никуда не уходить – спросила, где тут можно попудрить носик, выпила на посошок и пропала. Двоился и троился Семигин, которого к полуночи разбило на хавчик, и он сметал со стола все, что не уронил...

Он смутно помнил, как Семигин на рассвете тряс его, шептал, что он все еще пьян, скоро рассвет, дела требуют, и не хочет ли Максим закрыть за ним дверь, а то она, зараза, не закрывается?

– Ну куда ты собрался? – бормотал он, воюя с тапками. – Темно еще...

– Люблю гулять по темным городским улицам, – вздыхал Семигин, загружаясь в ботинки. – Такая публика бродит: ма-ньяки, романтики... Увидимся, Максим. В себя приду, про-

зондирую насчет рукописи. Будь на связи...

– Не забывай, – бормотал Максим, запирая за приятелем дверь, – чем больше жидкости залито в тело, тем больше у тела неприятностей...

Он с трудом проделал обратный путь до спальни. Утро было страшным. К мигрени и горечи во рту добавилось неясное беспокойство. Он лежал в своей постели. Под ворохом белья распростерлась обнаженная Алла, олицетворяя поговорку «стели бабе вдоль – она поперек ляжет». Один глаз у Аллы был приоткрыт и наблюдал за партнером. Второй – безмятежно спал.

– Смотришь? – прошептал Максим, мучительно вспоминая, а что же было до того.

– Смотрю, – прошептала Алла. – Одухотворяю твоё тело.

– Ты его ещё разумом надели...

Отворилась створка в памяти. Кадр, как Алла с томными вздохами теряет пуговицу за пуговицей, а он бормочет, что в доме обязательно найдется иголка с ниткой, но не сейчас... Максим переложил девушку поудобнее – она прильнула к его плечу и засопела в шею. «Значит, не бузил», – с облегчением подумал Максим.

– Я не опозорил высокое звание офицера и студента?

– Практически нет, хотя и пытался, – она приподнялась, отдавив ему плечо, и посмотрела насмешливыми зелеными глазами: – Место для спиртного в тебе ещё оставалось. Но ты сказал, что пить не будешь, и выбросил бутылку в форточку.

– Недоперепил, – догадался Максим. – Не обращай внимания. Вообще-то я тихий...

– Неправда. Ты громил какие-то поместья, вешал красных на каждой осине... но это не важно. Потом ты занялся другими вещами.

Он взял ее симпатичную мордочку в ладони и поцеловал. Однотруппница замурлыкала. «Наверное, так и бывает, – подумал Максим, – цепляет ямочка на щеке, а жениться приходится на полной «базовой комплектации».

– Поспи еще немного.

Он выбрался из кровати и побрел выяснять подробности вчерашнего. Но ноги повернули в другую комнату, где имелось старенькое ЭВУ с гордым именем «Прометей», RV-модем и возможность выхода в международные сети ГлоС (Global Communication). Страну еще не захлестнуло повальное на Западе увлечение – сибиряки предпочитали общаться вживую, а информацию добывать из печатных изданий, но у многих эта зараза в доме уже стояла и грабительски вымогала деньги. Народ бродил по Сети ночами, качал всякую ерунду, заводил коннектуальные знакомства. У соседа восьмилетний ребенок получил доступ к отцовской кредитке и проигрался в онлайн-казино. Засасывало, как наркотик. Даже Максиму на днях пришлось познать истинную цену общения – когда в почтовый ящик бросили счета за ГлоС и телефон с какими-то ошарашивающими цифрами.

Он морщил лоб под прерывистое гудение, пытаясь вспом-

нить, как же назывался сайт, о котором говорила Алла. «Чудеса света, не дожившие до наших дней»? Отстучал в строке поиска. Машинка долго думала и безрадостно сообщила: «Сайт закрыт по техническим причинам». Не судьба.

Он отправился дальше – поднимать Чеснокову с Генкой и вышвыривать их из квартиры. В родительской спальне никого не было. В гостиной какой-то Плюшкин свалил в кучу посреди комнаты: потертые тексы (техасские штаны) в количестве двух штук, рубашки с майками, носки, часы, граненый стакан с водкой, где нашли свою погибель несколько мошек. Генка позаботился о похмелье. Чеснокову с приятелем он нашел в ванной: попробуй догадайся, почему их тут разморило. Оба лежали в холодном корыте – голые, мятые и уже шевелились и стонали. Чеснокова с вечера наносила на Генку поцелуи, забыв стереть помаду, и Генка был наполовину красный.

– Супер, – восхитился Максим. – Надеюсь, помылись? Держи, – он стянул с крючка махровое полотенце и швырнул Чесноковой, чтобы прикрыла свои прелести.

– Мамочка моя, да что же это такое... – в ужасе бормотала Чеснокова, – почему мы здесь?.. Генка, у меня каждый суставчик болит... – потом у нее случилось затруднение речи – забыла, что хотела сказать, стала беззвучно открывать и закрывать рот.

– Мы, кажется, здесь что-то отправляли... – прохрипел Генка, ощупывая опухшее лицо.

Максим развеселился.

– Не знаю уж, что вы тут отправляли. Отправлять можно нужду, правосудие и религиозный культ. Поздравляю с отступившим, как говорится. Не забудьте посмотреться в зеркало, два кошмара пара...

Он не стал их смущать – удалился в гостиную и, похихивая, принялся наводить порядок. Из ванной доносились стоны, потекла вода, и в общем хоре стенаний стали проскакивать шуточки. «Ну подумаешь, – фыркала Чеснокова, – с каждым может случиться». Генка, фальшивя, напевал: «...сжимая властно свой штык мозолистой рукой...» Потом там что-то загремело, и через минуту объявился мокрый, как утопленник, Генка, объяснил ситуацию:

– Обрушилась, как сервер. Но ничего, жить будет, – выпил водку, собрал одежду и пошлепал обратно, объясняя на ходу, как он обожает Чеснокову, невзирая на все ее недостатки, какая она незаурядная женщина, сколько в ней грации, и даже ум при ходьбе покачивается.

Через полчаса эти двое наконец собрались. Генка обзрел вчерашнее и порадовался, что совесть его дома не застанет. Чеснокову продолжало волновать, почему она очнулась не в роскошной спальне, как планировала, а непонятно где, что случилось и кто за всем этим стоит.

– Подробности в трамвае, дорогая, – Генка подталкивал Чеснокову коленкой. – У Максима в спальне кто-то есть, не будем ему мешать устраивать личную жизнь.

– А кто у него в спальне? – сопротивлялась Чеснокова. – Неужели Семигин? Мать честная, ну и порядочки в этом доме...

Он выставил их за дверь, облегченно вздохнул и направился в затопленную ванную, с теплотой думая о нашествии Батыя на Русь.

Вернувшись в спальню, он обнаружил в постели обнаженную девушку. Пришлось отложить уход из дома на пару часов. Из квартиры они удалялись вместе, когда солнце одолело полуденную отметку и в организме полегчало. Он поймал такси, повез ее домой.

– Какие планы? – спросил Максим, помогая даме выйти из машины.

– Хочешь зайти? – она пытливо посмотрела ему в глаза. Максим сглотнул и почувствовал: хочет.

– Хочу, – признался он. – Но не буду. Провожу тебя до квартиры и, скорее всего, пойду.

– Отлично, так и поступим, – засмеялась Алла и потащила его в подворотню большого старинного дома, где имела маленькую квартиру.

В замкнутом пространстве подсматривающих не было. У подъезда высилась груда строительного хлама – жилконтора взялась наконец за ремонт. В подъезде было еще хуже. Поднимались на цыпочках, ни к чему не прикасаясь. Квартира Аллы располагалась на втором этаже, но не успели одолеть половину пролета, как в темной нише что-то завороча-

лось. Выступили два похмельных создания в безрукавках – явно без дипломов об окончании высших образовательных заведений. «Ну и что? – подумал Максим, заслоня обомлевшую Аллу. – Встречаться со шпаной в наши дни приходится не часто, оттого и встречи эти увлекательны. Масса вариантов – пугать, учить, травмировать».

– Гы-гы, – сказал нескладный громила с отвисшими мешками под глазами, – Алка вразнос пошла. Нельзя так, подружка.

– Ребята, вам какое дело? – пискнула девушка.

– Бывший твой приходил, просил поставить тебя на охрану. Так что не взыщи, Алка, будем репки чистить, – пояснил второй и почесал прокуренным ногтем щетину. Тыльную сторону ладони украшала сложная татуировка. «На Сахалине отбывал», – машинально отметил Максим. Веселый остров. Вернее, полуострова. У японцев южная часть, у сибиряков северная, за широтой Поронайска. В отместку, что не удалось присвоить южную, еще с тридцатых годов на Сахалин отправляли осужденных за тяжкие преступления. Чтобы не расслаблялись желтые братья. Сотни колоний понастроили от Охи до Поронайска. Климат там неважный, болезни пышным цветом, надзиратели злые, а бежать с острова можно только к японцам – что бедолаги и проделывали, «радуя» соседей.

Дипломатия уже не работала. Сиделый поднял палку, которая сделала из обезьяны человека. Курильщиком Максим

не был, но носил в пистончике массивную зажигалку. Зажать в кулак, выбросить правую руку, пока летит – расслабить... Тыльная сторона ладони шлепнула по носу, зажигалка выскользнула, ударила в лоб! Способ, отработанный еще в армии. Двойной удар опрокинул сидельца, он даже не понял, что произошло. «Партнер» выплюнул обойму слов, не принятых в приличном обществе, щелкнула выкидуха, но Максим уже летел в нишу, сетуя о том, что давно не улучшал свои аэродинамические свойства. Он рухнул на спину, пнул носком по запястью. Здоровяк схватился за сломанную руку, звякнул нож. Быстрые «ножницы» с подъемом на хребте – и теперь уж точно в челюсть...

Он не разбирался в экзотических стилях – японских, китайских, индийских – вплоть до Австралии. Капитан Безуглов по прозвищу Куб, преподававший в училище рукопашный бой и «робинзонаду», любителей экзотики обзывал гимнастами и балеринами. «Нет ни лучших, ни худших стилей. Есть хорошо подготовленные бойцы и плохо подготовленные», – говаривал капитан. Никогда он не затягивал спарринги – если валтузят друг дружку больше минуты, значит, проиграли оба и позорят светлое звание десантника.

Он снял рубашку, стал вытряхивать цементную пыль. Осторожно, на цыпочках, поднялась Алла, которую он куда-то спихнул. В глазах восхищение, респект и никакого, главное, упрека. Ойкнув, перешагнула через первого, покосилась на второго. Опустилась на колени и стала отряхивать

штаны Максима...

– Спасибо, – буркнул Максим. – Кто такие? Местные джентльмены?

– В соседнем подъезде живут... Вислов и Стеценко... Вислов освободился несколько месяцев назад... Слушай, а что теперь с нами будет?

– В смысле? – удивился Максим. – Как было, так и будет. А воспитание детей поручим Ивану Грозному. Ты же не хочешь, чтобы они отравляли твою жизнь?

– Нисколько...

– Поэтому ничего не говори, иди к себе, а я разберусь. Чай и все остальное отложим до завтра. Вечером позвоню.

Она не стала возражать, кивнула и застучала каблучками по ступеням...

Спускать проигравших пришлось по очереди. Первого он перевернул, и тот покатился на площадку, гремя костями. Второй облегчил задачу – поднялся сам, вращая мутными глазами. Осталось развернуть его лицом к лестнице и подтолкнуть вперед.

– Ло-овко вы их... – восхищенно протянул вошедший в подъезд очкарик.

– Стараюсь, – буркнул Максим, пропустил жильца и уселся перед павшими на колени. Для начала он хорошенько стукнул их лбами. С удовлетворением обозрел результат и начал просветительскую беседу:

– Итак, друзья, ваш союз прекрасен, и в исправительное

учреждение вы отправитесь вместе. Но есть один способ избежать этого волнующего события...

Через двадцать минут он стоял на пересечении Николаевского проспекта с улицей Ядринцевской и понимал, что сейчас совершит большую ошибку. Зачем? Все в его жизни НОРМАЛЬНО. Поиски работы откладываются до осени, банковский счет не оскудел, с учебой выкрутится, шпана в подъезде все поняла. Тогда откуда это чувство исподволь подкрадывающейся беды?

На всякий случай он отошел от тротуара. Посмотрел по сторонам, прикидывая, куда бы пойти, чтобы не совершить ошибку. В игровое заведение «Михеев и С°»? В ресторан «Шут гороховый», где по вечерам собирается компания блатная и крутят зажигательный стриптиз? В медицинский центр «Ваше здоровье» (уж лучше «ЗА ваше здоровье»), на котором висела рекламная афиша «Иппотерапия. Полный курс – с выездом за город. Недорого». Минуту он вспоминал, что такое иппотерапия. Судя по лошадиной морде на плакате и слову «ипподром», которое первым приходит в голову, это лечение лошадьми. Он перешел дорогу и направился к самому безобидному в округе заведению – старейшему в Сибири Художественному музею...

В архивном подвале горели неоновые лампы, пахло музейными клопами. За столом сидела особа в гигантских очках и с любопытством смотрела на входящего. За спиной особы в непроглядную даль уносились стеллажи, забитые

ценнейшими собраниями человеческой мысли.

Разминуться с работницей архива было невозможно.

– Здравствуйте, – плакатно улыбнулся Максим, извлекая матрикулу¹. Я учусь в Сибирском университете, сдаю курсовую работу и хотел бы получить информацию по одному интересующему меня феномену.

Вероятно, она прочла в его глазах, что ее собственный феномен молодого человека не интересует. Взяла зачетную книжку, пошевелила губами и подняла глаза, вдвое увеличенные стеклами очков.

– Можете позвонить профессору Загорскому на кафедру истории, – врал Максим. – Он в курсе, что я сюда отправился.

Плана действий, конечно, не было. Приходилось импровизировать.

– Я вам верю, – печально улыбнулась женщина. – Какого рода вам нужна информация?

– Буддистские раритеты. Почту за честь, если вы прочтете мне лекцию.

– Увы, Максим Андреевич, – особа тяжело вздохнула, – я всего лишь часовая на посту времени. Вам нужен Курепов Роберт Михайлович, он по вашей теме. Но приготовьтесь к затяжной лекции – такой, знаете ли, фанатик...

– Так я пойду? – Максим кивнул подбородком в проход.

– Не пойдете, – улыбнулась «часовая», извлекая из стола

¹ Зачетная книжка.

форменный бланк. – Руководством музея принято решение об анкетировании каждого посетителя.

– Хорошо, что не об интернировании, – пошутил Максим.

– Это связано с повышенными мерами безопасности. Такая вот, знаете ли, бюрократия.

– Да я не против, – пожал плечами Максим.

У архивариуса Курепова была яйцеобразная голова и фанатичная преданность любимому ремеслу. Он внимательно изучил документы посетителя и вальяжно кивнул.

– Вы местный, молодой человек, очень хорошо. В противном случае я потребовал бы от вас рекомендации.

Максим благоразумно помалкивал. Та самая ситуация, когда упоминание потенциального «рекомендателя» не пойдет во благо.

– Так что же вас интересует... м-м... Максим Андреевич?

– Коллекция купца Шалимова.

– Да что вы говорите? – возбудился архивариус. – А что же именно вас интересует? В картинной галерее Иркутска выставлено многое из того, что удалось собрать этому достойному человеку...

– Я имею в виду буддистскую коллекцию, Роберт Михайлович. Пропавшую в 18-м году.

Работник музея нахмурился и начал что-то вспоминать. Как-то странно посмотрел на собеседника.

– Собираетесь ее найти?

– Куда уж мне, – усмехнулся Максим. – Полагаю, с этой

задачей справились давно и без меня.

– И откуда сведения? – удивился архивариус.

– Пока предположения. Видите ли, нам попались мемуары некоего Воропаева – Гражданская война, уральские конфликты, захват мятежных атаманов и так далее. Будучи поручиком, автор участвовал в погоне за сотрудниками ВЧК, пытавшимися скрыть ценности, конфискованные красными в Иркутске.

– Разумеется, не догнал, – усмехнулся архивариус.

– Не совсем. Арьергард они настигли – с частью ценностей.

– Да, я слышал об этой истории. Но коллекции Шалимова там не оказалось.

– Воропаеву поручили собрать и доставить найденное – пока не растащили местные жители. Группа капитана Волынцева продолжила преследование, и на этом известная часть истории завершается...

– Полсотни человек просто пропали... хм. И что вы думаете об этом? – архивариус склонил обтекаемую голову и с интересом смотрел на Максима.

– Тут нечего думать, Роберт Михайлович. Это тайга – в ней дикие звери, болотные топи и лешие. Боюсь, мы никогда не узнаем, что случилось в действительности и была ли в конфискованных сокровищах знаменитая коллекция... Расскажите, что в ней, если не трудно?

– Это тема вашей курсовой работы?

– Совместное творчество. Разделяем обязанности. Один из сокурсников занимается финансовыми аспектами, другой – этнографическими, а мне досталась история с коллекцией.

– Хорошо. Но только не называйте эту коллекцию буддистской. По описи тысяча девятьсот тринадцатого года – подробной, с рисунками и фотографиями, – коллекция состояла из трех частей: языческой, несторианско-манихейской и буддистской. Отец Шалимова – крещеный калмык, дядья остались верны буддизму. Помогали племяннику налаживать связи с монгольскими и даже тибетскими ламами – вы знаете, что Шалимов ухитрился побывать в Тибете?

– Нет.

– Тибет начала XX века – *terra incognita*, иноверцам въезд был запрещен под страхом смертной казни. О путешествии Цыбикова известно всем, а Шалимов обошелся без рекламы. Воспоминаний, к сожалению, не оставил, зато вывез... назовем их так, сувениры. Не только из Тибета – он разъезжал со своими приказчиками по обеим Монголиям – Внешней и Внутренней – Джунгарии и Кашгарии. Чекисты не тронули пинакотеку и большую часть скульптур – только золото, серебро, драгоценные камни. Ответственный за конфискацию – по фамилии, если не ошибаюсь, Субботин – неплохо разбирался в ювелирных изделиях. Видимо, в ссылке, в свободное от дискуссий время грабил купцов на тракте... Итак, коллекция. Про буддистскую часть вы можете прочитать вот

в этом альбоме... Языческая часть – тридцать три предмета из серебра – браслеты, серьги, «амулеты воина» (фигурки волков), выполненные в так называемом зверином стиле. В то время о точной датировке только мечтали, но четыре дубликата, подаренные Шалимовым академику Бартольд, эксперты Британского музея относят к концу IV века – к эпохе древних тюрков. Вторая часть – несторианско-манихейская. Несторианство – ересь, преданная анафеме на Эфесском соборе в четыреста тридцать первом году. Изгнанные из Византии проповедовали по всей Азии и в VII веке добрались до Китая. В Китае еретики продержались до X века, в степи – на пятьсот лет дольше – вовремя примкнули к Чингизовой орде.

– Выходит, на Русь в XIII веке пришли христиане? – недоверчиво спросил Максим.

– Догмат о Троице они не признавали, – пожал плечами Курепов, – но, в общем-то, было дело... Манихейство зародилось в Персии, распространилось – на западе до Бискайского залива (альбигойцы), на востоке – до Японского моря, несмотря на преследования. Маскировались под христиан, буддистов, мусульман – где какая религия господствовала. Поэтому в коллекции Шалимова, кроме несторианских крестов и ладанок, есть и манихейские имитации – кресты, похожие на трилистники, и портреты Будды на фоне солярной символики Религии Света. Кулон с крестом-трилистником – это компас, указующий путь в Царство Света, еще две-

надцать предметов – обереги от всех и всяческих поджидающих в пути напастей. В трех золотых Буддах спрятаны палимпсесты с инструкциями – как добраться до Врат, как выбирать спутников, что случится, если Врата не откроются до две тысячи двенадцатого года...

Текли минуты. Архивариус говорил и говорил – про оставшиеся предметы, про их мистическую (архивариус выразился – «лечебную») силу, оперировал незнакомыми терминами, понятиями, а Максим чувствовал, как голова идет кругом. Он получил гораздо больше, чем хотел, налюбовался дагерротипами в альбоме и, если честно, не прочь бы был посетить туалет.

– Кстати, молодой человек, – вспомнил архивариус, – вы не единственный, кто на этой неделе спрашивал о колллекции Шалимова.

– Вот как? – удивился Максим. – Но наши вроде не должны...

– Искусство идет в массы, – развел руками Курепов. – Правда, посетитель не был похож на человека, приобщенного к широким массам. Представительный такой, явно обеспеченный господин с приятными манерами. Внушающий, знаете ли.

– Бывает, – пожал плечами Максим.

– Иностраннй гражданин. Говорил без акцента, но таким образом... словно никогда не жил в России. Гватемальский паспорт. Убедительно просил рассказать о жизненном пути

Шалимова, в том числе о нашей с вами коллекции.

– А как насчет рекомендаций? – усмехнулся Максим. – Иностраный как-никак гражданин.

– С рекомендациями полный порядок, – не растерялся архивариус. – Зоя Анатольевна Царицкая – заместитель директора нашего музея – подтвердила по телефону порядочность и благонравность данного господина.

– Да и бог с ним, – улыбнулся Максим. – Впрочем... так, на всякий случай – не припомните фамилию посетителя?

– Никакой государственной тайны, молодой человек. Его фамилия – Кончак. Хорошо запоминается, правда? Зовут, дай бог памяти, Александр Витальевич. А вам он зачем, молодой человек?.. Кстати, если уж на то пошло, пару недель назад приходила еще одна особа – весьма привлекательная, представилась гражданкой Канады...

Неприятный зуд в районе затылка. Максим застыл, не донеся до рта остатки пломбира. Кто-то долго и внимательно разглядывал его спину. Возможно, и не враг. Он медленно дожевал мороженое, выбросил в урну липкую обертку. Шумел сквер, разделяющий полосы движения Николаевского проспекта. Мамаши гуляли с колясками, приучивая чад к ароматам сгоревшего топлива. Стайка путан у решетчатой ограды оживленно совещалась – очевидно, о путях преодоления лицензионных сложностей и последнем профсобрании жриц любви Центрального округа столицы. Плыл обычный занятой народ. За решетчатой оградой проносились ма-

шины.

Он побыл на лавочке еще немного. Странное чувство не покидало. На него смотрели. Патлатый парень, подходящий к киоску с мороженым, сунул руку в карман, извлекая горсть мелочи. Выпала монетка, покатилась по асфальту. Максим вздрогнул. «Монета» в переводе с латыни – «предостерегающая»...

Он встал со скамейки, прошелся до ближайшего таксофона. Набрал Семигина. Никто не отозвался – он перезвонил в редакцию «Сибирского вестника», где трубку снял старший по должности и принялся со вкусом ругаться.

– Откуда я знаю, где Семигин? – кричал абонент. – Может, он давно к конкурентам перебежал? В то время, когда мы тут сутками живем и работаем...

Он прошелся до летнего кафе. Ничто не мешало перекусить и выпить пива. Машины с проспекта сюда не заезжали – могли бы, но поперек проезда лежал бетонный блок – самый убедительный дорожный знак. Клиентов в заведении было немного – двое говорливых парней и блондинка нежного возраста в легком и облегающем. Неторопливо, с чувством перекусывали – какой же русский любит быструю еду?

Он заказал уйгурские манты и сразу два пива, чтобы официанту лишний раз не бегать. Тянул золотистый напиток в ожидании заказа и прислушивался к ощущениям. Давление не проходило.

Запиликала монофония. Девушка извлекла из сумочки

портативную квадратную вещь, похожую на пудреницу, раскрыла, поднесла к уху и манерно пропищала:

– Алле-алле...

«Не пудреница», – догадался Максим. Переносные телефоны, независимые от городских телефонных станций, давно вошли бы в моду, кабы не дороговизна. Впрочем, на физиономии девицы было написано, что папа у нее работает либо в Окружной думе, либо в городском муниципалитете. А то и во Всесибирском законодательном собрании, принимающем эпохальные законы для блага ста миллионов коренных сибиряков и стольких же приезжих. Законопроект «Не укради» и шестисотая поправка к нему...

На стол легла тень – он решил, что приближается официант, и не стал делать резких движений. Но вместо официанта напротив уселась девушка в облегающем клетчатом костюме, положила на колени сумочку, сложила руки, как прилежная первоклассница, и печально на него уставилась. Пиво замерло в пищеводе.

– Простите, – смутилась девушка, – это, наверное, неприятно.

– Неприятно – что?

– Поперхнуться самым плохим в мире алкогольным напитком.

Он сделал над собой усилие и осушил первую кружку. Достал из нагрудного карманчика носовой платок и промокнул губы.

– Вы не правы. Все напитки крепостью менее сорока градусов следует считать безалкогольными.

– Это шутка? – девица приподняла изогнутые ресницы.

«Не местная», – определил Максим. И не путана. Не подсаживаются путаны в этом городе к похмеляющимся молодым людям. А дама в костюме была не только не местная, но даже не из России. Русским языком владела, слова произносила без ошибок, но составлять из слов предложения не было ее любимым занятием. На вид барышне было лет двадцать пять – двадцать семь. Русоволосая, короткая прическа с косой челочкой – вроде тех, что считались пискom моды во времена наших бабушек. Лицо овальное, приятное, большие глаза, смотрящие с поволокой, задумчиво. А прочие параметры он пока не оценил – крупная клетка мешала это сделать.

– Это вы за мной наблюдали?

Девушка зарделась:

– Простите...

– У вас французский акцент. Хотя типично славянская внешность. Кстати, вы знаете, что, когда вы краснеете, ваш желудок тоже краснеет?

– К чему это? – она совсем стушевалась.

– Любопытный факт. Угостить вас обедом?

Она решительно замотала головой. Сбилась челка, прядь, пристроенная за ухом, упала на правый глаз, и было забавно наблюдать, как она возвращает ее на место.

– Спасибо, не хочу... Вы, наверное, неправильно меня поняли...

– Я вас вообще не понял. Вот уже битых двадцать минут вы разглядываете мою спину, хотя, должен сказать, это не самая привлекательная моя часть. Давайте сделаем вывод: вы вышли за мной из Художественного музея...

– Вышла, – согласилась девушка. – Я вас заметила, когда вы выходили от архивариуса Курепова. Я шла к нему, а вы были задумчивый и не смотрели в мою сторону. Мы немного знакомы с Робертом Михайловичем... Ну, в общем... – девушка замялась, – вы не возражаете, если я не буду ходить вокруг да около?

Максим любезно улыбнулся, хотя внутри что-то натянулось. Он, кажется, догадывался, куда повернет беседа. Не много ли совпадений за двадцать четыре часа? Две недели назад к архивариусу Курепову приходила симпатичная молодая леди и настойчиво интересовалась шалимовской коллекцией...

– Примерно полмесяца назад я уже была в музее, – подтвердила барышня. – Женщина, что сидела в архиве, не хотела меня пускать – благо мимо проходил Роберт Михайлович, и мне удалось его уговорить. Мы беседовали об известной в узких кругах коллекции купца Павла Афанасьевича Шалимова, исчезнувшей в восемнадцатом году. К сожалению, беседа не была обстоятельной, сегодня я вновь пришла к нему, чтобы уточнить некоторые вопросы. В первых чис-

лах мая я была в Иркутске – в Адмиральском музее, там сказали, что информацией не владеют и получить подробную консультацию можно только в Новониколаевске...

– Вам знакома фамилия Кончак? – перебил Максим.

Говорящая осеклась. Удивленно приподняла брови.

– Нет... Это плохо?

– Не знаю. Но несколько дней назад человек с такой фамилией интересовался коллекцией Шалимова.

Кукольное личико как-то вздрогнуло, в глазах мелькнул испуг. Но она быстро справилась и сделала невинную мину.

– Серьезно, я не знаю... Полчаса назад я вошла к Курепову, он меня вспомнил и что-то воскликнул про чудесное совпадение – дескать, в дверях я столкнулась с «очень воспитанным и интеллигентным человеком», которому он рассказывал о коллекции... Я решила рискнуть... Извинилась, сказала, что забегу позже, побежала на улицу – вы как раз стояли у киоска с мороженым...

– Вы такая решительная, – иронично заметил Максим. – И рискованная. Полчаса меня гипнотизировали...

– Но я же ничего про вас не знаю, – она сделала умоляющие глаза. – А вдруг вы из компании тех людей, которые мне угрожали? Я долго за вами наблюдала – вы ДРУГОЙ. Уж поверьте, я окончила Монреальский университет, имею диплом психолога...

– И с каждой минутой ситуация все больше запутывается, и я уже ни черта не понимаю, кроме того, что вы не хотите

есть, – усмехнулся Максим. – Давайте выкруливать. Начнем с несложного – ваше имя?

– Катрин Варден, – спохватилась девушка. – Можно Катя. Я подданная Канады...

Замутилось что-то в голове. То, что девушка привлекательна, он заметил. Но решил не заострять. В природе существует Алла Микош, два часа назад их головы лежали на одной подушке, вечером все повторится, так что... Но это еще не главное. Проблема текущего момента заключалась в том, что за Максимом и его новой знакомой продолжали следить...

Непросто «курировать» две темы одновременно. Вслушиваться в тихий голос Кати и размышлять об особенностях слежки в большом городе. Сообщник Кати, оставленный для подстраховки? Или наблюдали ЗА НЕЙ, и теперь Максим невольно вовлечен в орбиту? Он сознательно не подавал вида. Катя говорила не сбиваясь. В Новониколаевске она проживает всего месяц, купила однокомнатную квартиру в центре – на улице Кабинетской: район считается престижным, но очень грязный двор-колодец, последний этаж старого кирпичного дома, в стенах дыры, как в швейцарском сыре, злобные соседи, невзлюбившие ее с первого дня... А как она оказалась в Новониколаевске, история отдельная. И запутанная. В принципе, Катрин Варден – девушка русская. Хотя и не везде. Прабабушку в восемнадцатом году вывезли из Сибири – никто не знал, что Колчак выстоит у Ом-

ска, сломает хребет 11-й армии, перейдет в контрнаступление и навсегда закажет большевикам появление в Сибири. Скиталась по Маньчжурии, Харбину, назад уже не вернулась – с каким-то клерком из бывшего российского представительства отправилась в Туркестан, откуда, напуганная слухами о зверствах атамана Анненкова, перебралась в Персию, потом в Турцию, из Турции судьба забросила в глухие лондонские трущобы, где и прожила, не зная сытости и радости. Сыну прабабки повезло больше – выбился в люди, окончил Кембридж, в пятидесятом перебрался в окрестности озера Онтарио, где женился на украинской переселенке, устроился менеджером на завод стеклотары и проработал там всю жизнь, не помышляя о продвижении по службе. Дочь упомянутого господина в восьмидесятом вышла замуж – спутником по жизни оказался мелкий провинциальный актер по фамилии Варден. Через год родилась Катя, начались семейные неприятности. Отец получил травму ноги, вкусил прелести алкоголизма, мать обзавелась хроническим бронхитом, тоже не стала чураться бутылочки, а через три года оба сгорели в своем скромном одноэтажном домике в окрестностях Монреаля – полиция решила, что имел место суицид «по взаимному согласию». Катя спряталась в подвале, откуда ее и извлекли усатые пожарники с французско-хохлацким выговором. Детство у девочки было какое-то странное. Приют Святого Патрика – покровителя всех ирландцев (который никогда не был ирландцем), школа-интер-

нат, годы учебы в окружении брошенных детей и не очень чутких преподавателей. Деду с бабушкой – ленивой украинке и менеджеру стеклотары – Катя никогда не была интересна, несколько раз приезжали в гости, привозили просроченные продукты... Потом – успешное поступление в Монреальский университет, студенческий городок, работа ночной сиделкой в еще одном приюте (кажется, тоже Святого Патрика), зубрежка, проблески с личной жизнью... И вдруг письмо из Лондона, из которого Катя узнает, что ее прабабушка еще жива и не прочь взглянуть на свою правнучку!

Блеснуло в голове.

– Минуточку, – перебил Максим. – Имя вашей долгожительницы-прабабушки – случайно не... – он напрягся, вспоминая со слов Семигина рукопись поручика Воропаева, – Даша?

– Даша... – вздрогнула девушка и уставилась на Максима с ярко выраженной опаской. – А откуда вы?..

Он сделал предостерегающий жест и начал рассказывать. О тяжелой студенческой жизни, о профессорском задании, мемуарах поручика и странном предположении, что коллекция мецената Шалимова спрятана в тайге западнее Березинского тракта, что, собственно, и стало причиной посещения Художественного музея...

– Предположение не странное, Максим, – сглотнув, сказала Катя, – в девяносто девятом году я съездила в Лондон и, если так можно выразиться, погостила у своей прабабуш-

ки. Она была очень старая, почти не видела. А через месяц после моего визита она тихо скончалась – в возрасте ровно ста лет... Бабушка рассказала, что коллекция действительно находится в окрестностях Березинского тракта...

Скользкие мурашки ползли по телу. «И куда это меня втягивают?» – думал он.

– Дарья Антоновна не знала точного места, где спрятана коллекция, – говорила Катя, пристально глядя ему в глаза. – Но повествовала о каком-то разрушенном храме – неизвестно чьей народности... В его окрестностях якобы все и спрятали работники ВЧК... Если двигаться от станции Турово на север, это километров тридцать... Ну... примерно. Никто не считал. Около трех дневных переходов на груженных подводах по тайге... Я видела современные карты крупного масштаба. Местность до сих пор не заселена – глушь, необжитая тайга. Но если ехать из Тулуна по Березинскому тракту, можно добраться до Малакута – это уездный центр, а уж оттуда, на юго-запад, минуя несколько деревень... в нужное место. Я наводила справки – в том районе, который нас интересует, в годы Гражданской войны было две деревни: Чахловка и Мансурово. В Чахловке в 19-м году случилась вспышка сибирской язвы, жители умерли, деревню отгородили, потом сожгли. В Мансурове – на реке Курепке – кто-то оставался жить, там даже была купеческая фактория, но потом и оттуда все съехали, остались старики, которые со временем вымерли...

– Минуточку, – перебил Максим, – в 99-м году вы имели беседу со своей... хм, родственницей. Сейчас у нас, если не ошибаюсь, 2006-й.

– Но у меня и в мыслях не было интересоваться этой историей. Я должна была окончить университет, найти работу, какие, боже упаси, клады? Прабабушка много чего рассказывала, а эта история была лишь частью биографии. Да и ту она... как-то странно прервала.

– То есть вы не в курсе, что произошло в 18-м году – на отрезке между Туровом и развалинами предположительно древнего храма? Начало истории мы знаем. Чекисты с обозом пропадают в тайге, бросая часть конфискованных в Иркутске ценностей. Группа капитана Волынцева пускается в погоню...

Катя поежилась, что не укрылось от внимания.

– Произошло что-то страшное... По словам Дарьи Антоновны, у нее был молодой человек – племянник купца Шалимова. Илья Кольцов. С ним она и увязалась в авантюрную экспедицию. Шли почти трое суток, вступая в перестрелки с красными. Людей становилось все меньше... Было пятьдесят, осталось семь или восемь... Потом эти развалины, будь они неладны...

– Извините, перебыю. Какого характера были развалины?

– Я не понимаю...

– Кто построил храм? Хакасы, буряты, енисейские кыргызы, манихеи?... Кому там молились – Будде, Мани, Вишну,

Черешну?..

– Черешну? – растерялась девушка.

– Черешну, – засмеялся Максим. – Имеется такое божество в индуистском пантеоне. Похож на Вишну, только покрупнее и физиономия бордовая.

Она не поняла шутки.

– Не знаю, – состроила она озадаченную мордашку, – да и бабушка не знала... Какая разница?

– А разница такая, что за прошедшую эпоху все храмы на территории Сибири если и не описаны, то по крайней мере локализованы и их координаты зафиксированы. Клубы любителей старины, бойскауты, теологи-авантюристы – давно подняты архивы и исхожены затерянные уголки. Каждый год громкие кампании – борьба за сохранение исторических названий, за упрощение русского языка, за повышение уровня культурной безграмотности... Но я отвлекся. Так что там насчет коллекции?

– Никто не знает, – Катя удивленно смотрела ему в рот, – на заключительном этапе погони в обозе красных уже не было коллекции... Но здесь я толком не поняла... Да, собственно, и не пыталась. Я просто слушала рассказы бабушки о жизни. Много раз она повторяла, что произошло что-то страшное, все погибли – она сама чуть-чуть не погибла. О судьбе своего спутника Ильи бабушка ничего не знает. Но вроде был жив. Уцелел красный командир... Какие-то крестьяне, случайно оказавшиеся в лесу, доволокли

ее до ближайшего селения...

Официант вразвалочку доставил манты, задрал нос и удалился. Неторопливость – отличительная черта сибирского характера. Максим задумчиво вонзил вилку в мучное изделие – брызнул сок, Катя зажмурилась.

– И почему вы мне об этом рассказываете?

Она задумалась – действительно почему?

– Вы знаете, я не замечала за собой склонности к авантюризму. Окончила университет, устроилась на работу в городской центр экстремальных ситуаций – штатным психологом. Общалась с жертвами автомобильных катастроф, криминальных нападений, погорельцами, самоубийцами... Через полгода такой работы мне самой пришлось прибегнуть к помощи психолога. А затем развод с мужем, увольнение... а в Монреале так трудно найти работу, закладная и перезакладная на дом, авария с машиной... Я была в отчаянии, Максим. Знакомая посоветовала съездить в посольство Сибири, купить визу, посетить родину предков, припасть, так сказать, к корням...

Звучало не очень убедительно, но Максим проглотил. Он слушал, меланхолично поедая манты.

– Квартиру я купила в рассрочку – в вашей стране, в отличие от России, это почему-то не сложно. И всегда можно продать. Здесь нет бюрократических проволочек для иностранцев. Платите деньги – и живите. Кончились деньги – уезжайте.

– Приходилось жить в России?

– Наслышана, – девушка усмехнулась и снова погрузилась. – Возможно, я не отдавала себе отчета, зачем сюда рвусь... Хотя звучит, конечно, дико. Приехала, осмотрелась, стала наводить справки, поговорила с Куреповым. Съездила в Иркутск – почему-то я решила, что в Адмиральском музее получу более подробную информацию. Вернулась, спланировала сегодняшний поход в Художественный музей... А вчера в подворотне на Кабинетской ко мне подошли какие-то люди...

– Хулиганы? – насторожился Максим.

– Не уверена, – Катя сглотнула так, словно у нее болело горло. – Но вели себя вызывающе. Было темно, лиц я не видела... Один прижал меня к стене, взял за горло. «Засиделась ты в Сибири, лапа, – кажется, так он сказал. – Не хочешь серьезных неприятностей – вали в свою Канаду...» Потом они исчезли, а я еще полчаса приходила в себя...

– Вы думаете, это связано?..

– Ну уж точно не с моими «благородными» соседями, которые меня терпеть не могут... А с чем же еще?

– Но вы не добились успехов в своем начинании.

– А вдруг добьюсь? – она вскинула голову. – Кто-то хочет моего отъезда, понимает, что я буду искать.

«А вот теперь я точно влип, – удрученно подумал Максим. – Даже если откажусь, в разработку все равно попаду». Он собрался задать резонно вытекающий вопрос, но дама

опередила:

– Почему я обратилась к незнакомому человеку? Не знаю... Не смейтесь, я правда не знаю. Этот случай в подворотне меня добил. Месяц живу в Сибири и чувствую себя такой одинокой... Ехать некуда, денег осталось немного... Я просто боюсь... Курепов увидел в вас порядочного человека, которого также интересует коллекция. Я наблюдала за вами – и поняла, что вы не связаны с... преступными кругами. Вы же не могли знать, что я за вами слежу.

«Мог, дорогуша, мог», – подумал Максим.

– Вы с таким удовольствием пьете это противное пиво... – девушка брезгливо поморщилась. – Я, пожалуй, тоже закажу. Официант, будьте добры! – она призывно щелкнула пальчиками.

– Минуточку, – встревожился Максим, – неужели я похож на человека, неспособного угостить даму пивом?

Конкретного предложения – отправиться на поиски клада – он так и не дождался.

– Оставьте свой телефон, Максим, – попросила девушка. – Я вам позвоню. Боюсь, несколько дней я буду занята.

– А вот из дома без причины я бы вам не советовал выходить. Если, конечно, все, что вы рассказали, похоже на правду.

Она вздохнула.

– Есть причина... Не вру я, Максим. Все это действительно очень грустно.

Будучи воспитанным человеком, он предложил проводить ее до дома, хотя откажись она, не стал бы настаивать. Имелось в этой девушке что-то настораживающее. Она не отказалась. До нужного дома пришлось пройти полтора квартала, а потом пережить небольшое приключение. Улица Кабинетская – исторический центр города – маленькая Одесса в худшем понимании этого слова. Подворотня встретила исписанными стенами, мусорным изобилием и парочкой сомнительных личностей, страдающих непобедимым похмельным синдромом. Аналогий с утренним эпизодом в подъезде Аллы пока не прослеживалось. Балконы нависали практически отовсюду, увешанные бельем, увитые хмелем, заставленные цветами, рассадой, старыми шкафами, ведрами, лыжами. С последнего этажа неслась сочная ругань. Над головой две румяные тетушки атлетического сложения, одетые в рейтузы и бюстгалтеры, попивая вино, обсуждали преимущества традесканции ладьевидной перед традесканцией-толстянкой. С любопытством уставились на вывернувшую из подворотни парочку. Катя потянула его.

– Нам сюда, Максим. Здесь желательно держаться подальше от стен...

Что-то звякнуло, он вскинул голову – очень кстати! В распахнутое окно вылетели две руки, держащие кастрюлю. Содержимое (уж явно не суп из черепахи) красиво устремилось вниз! Он схватил ойкнувшую Катю за руку, оттащил к подъезду. Порция помоев, выплеснутых явно злонамерен-

но, разбилась о землю, не причинив ущерба. Раздался демонический смех, «стреляющая» что-то крикнула на посыла-тельном падеже, захлопнулось окно.

– Господи, – прижала сумочку к груди Катя. – Какой шалман... Серафима Капельсон – выжившая из ума старуха, и эта выходка еще безобидная...

– Увлечена любимым национальным занятием, – пробормотал Максим. – Пьет русскую кровь.

Распахнулась дверь на соседнем балконе, вылез жиртрест в трусах и майке, глянул вниз.

– Ну шо ж вы так, тетя Сима, в другой раз цельтесь лучше... Галка, глянь, Катерина сегодня с хахалем – во какой...

– Вот так и живем, – вздохнула Катя. – Не могу избавиться от мысли, что в конторе по операциям с жильем меня сознательно ввели в заблуждение. Привели смотреть квартиру рано утром, когда дом спал, пообещали все блага, расхвалили соседей... По тете Симе психбольница плачет, супруги Гурченко из Полтавы – просто жадные сволочи, а в третьей квартире на площадке проживает русский алкоголик и ту-неядец Савочкин – временами его не слышно: уходит в запой, как в эмиграцию, а порой начинает долбиться в дверь и требует льготного кредита. Очень обижается, когда не даю. Вот так и живем, Максим... – повторила Катя, посмотрев на него очень печально.

Он вздохнул – делать нечего, следующие полчаса пришлось строить соседей. Баба Сима открыла дверь и тут же

пожалела, Максим подпер ее ногой и с располагающей улыбкой вошел в квартиру. Сунул под нос пыхтящей старухе студенческий билет:

– Серафима Капельсон? Служба разъездных санитаров восьмой психиатрической лечебницы. Собирайтесь, вы пойдете с нами.

– Никуда я не пойду... – бормотала старуха, отступая и заклоняясь от нечистой силы какими-то хоругвями. – Сгинь, сгинь...

– На вас поступила жалоба, – настаивал Максим, перекрывая старушке кислород. – Последнее предупреждение, гражданка Капельсон. Еще одна претензия от женщины, проживающей в шестидесятой квартире, – и остаток жизни вы проведете в палате, забитой потными сумасшедшими мужиками. А сейчас позвольте процитировать вам фрагмент постановления муниципального совета о злостных нарушителях правил коллективного проживания и мерах по их ликвидации...

Господин Гурченко тоже зачем-то открыл дверь. Максим не церемонился – вошел в квартиру и без условностей стукнул господина по уху. Толстяк испуганно закудахтал, стал пятиться в комнату. Максим шел за ним и награждал оплеухами. Выскочила тетка в бигудях («Страх какой, – испугался Максим, – в теле человека жира на семь кусков мыла, а у этой – на всю коробку»), тоже закудахтала, путая русские, украинские и почему-то польские непечатные выражения.

– Ша, – сказал Максим. – А то язык порву. Частное бюро «Каратель», господа. Вы находитесь в оперативной разработке, с чем вас и поздравляю. А теперь вопрос: кто является автором идеи отравить жизнь проживающей в шестидесятой квартире госпоже?

– Нет никакого автора... – пускали пузыри и зеленели от страха соседи.

– Авторы есть у всего, – сурово наезжал Максим. – Даже у народных песен. КТО приказал выжить из квартиры гражданку Канады, КОГДА, СКОЛЬКО вам за это заплатили?..

Алкоголик Савочкин дверь по-умному не открыл. Из квартиры доносились лирические стенания и звуки ударов головой о стену.

– Эх, сивуха сивая, жизнь была красивая... – прокомментировал Максим. – Вот уж кому не помешают санитары.

– А вы забавный, – улыбнулась Катя. – Хотите зайти на чашку чая?

– Хочу, – ответно улыбнулся Максим. – Но некогда. Важные студенческие дела. Позвоните, Катя, когда оформите планы на жизнь, хорошо?

Предчувствия работали, но до дома он добрался в целости и сохранности. Вошел в квартиру, метко швырнув ключи на бараний рог. Забился в судорогах телефон. Незаслуженно забытая Алла Микош обиженно интересовалась, где его носит.

– Выполняю профессорское задание, – бодро отрапорто-

вал Максим.

– Какой-то голос у тебя странный, – насторожилась Алла. – И запах духов струится по проводам...

– Правда? – изумился Максим. – А я-то думал, что мы проживем с тобой долго и счастливо и умрем, как Сервантес с Шекспиром – в один день.

– А они умерли в один день? – удивилась Алла.

– Как сговорились. 23 апреля 1616 года.

– То есть от ответа ты ушел, – вздохнула Алла. – Не придешь сегодня? А то я, понимаешь, уже остыла...

Он деликатно объяснил девушке, что отдельными ночами в нем просыпается оборотень – он тупо превращается в бревно.

– Понятно, – расстроилась Алла. – Бутерброд за ртом не ходит. Ладно, работай, развлекусь уж как-нибудь...

Он рухнул на кушетку и стал думать. ЧТО хотела от него девушка по имени Катрин Варден, подданная Канады и все такое? Действительно так испугана, что готова поделиться с первым встречным, который представился ей относительно порядочным? Почему не боится, что, получив информацию, он бросится в тайгу, оставив Катю с носом? Хотя какая, собственно, информация... Обширный квадрат поисков, копаться в чаще можно до второго пришествия и найти кукиш с маслом. Могла соврать. Могла придержать что-то важное. Биографию рассказывала с каким-то напрягом... Он спрыгнул с кушетки, оседлал «Прометея» с выклеван-

ной печеню и через минуту уже бродил по виртуальной целине. Уйма историко-религиозных обществ. Теологическая пропаганда, приглашения посетить богослужения, лекции, семинары... «Древние храмы Сибири», монгольские бурханы, языческие идола... Подробная карта размещения богопочитаемых мест... Все кому не лень бросают информацию (а кто ее проверял?), горы мусора, которые никогда не вывозят. Он стащил с полки атлас, обвел интересующий участок. 55 градусов северной широты, около ста – восточной долготы. Как сказала бы Чеснокова: сделаем триангуляцию и пойдем, что заблудились окончательно. Ввел координаты в систему и пошел курить на балкон, справедливо полагая, что машинка не разгонится. Вернувшись, обнаружил на мониторе примитивную карту – ветка железной дороги, Турово, Тулун, Березинский тракт от Тулуна, Малакут, Астаховка. Ни Мансурово, ни Чахловка на карте не обозначены (чего ждать от тупой машины – деревни давно вымерли), но на юго-востоке от Малакута поблескивали две загадочные звездочки. Одна повыше, другая пониже. Он щелкнул по ссылке. Первая – развалины старообрядческой церкви. Из камня старообрядцы свои «храмы» не строили, и вообще это севернее. Вторая – каменное строение, окруженное каменной же оградой, состояние плачевное, сооружение наполовину ушло в землю, символика отсутствует, добраться трудно. По отдельным признакам древний буддийский храм предположительно VIII века. Дата обнаружения: август

1952 года (отсюда – отсутствие фотографий или зарисовок), организация, обнаружившая объект, – клуб «Ермак», приписанный к иркутскому обществу бойскаутов-искателей...

Можно предположить, что с 52-го года к развалюхе никто не подходил. Места глухие, экзотики ноль, полчища кровососов...

Дверной звонок исполнил песнь, Максим вздрогнул и отключился от Сети. Посмотреть в глазок не догадался. Подъездная кошка Маська, которую Семигин держал на вытянутых руках, заверещала и чуть не вырвала ему глаз. Довольный глупой шуткой, Семигин выбросил кошку и ввалился в квартиру.

– Айлуорофобия, – объявил компетентно. – Боязнь кошек. Наполеон страдал и тщательно от всех скрывал.

– И только тебе признался, – пробормотал Максим, закрывая дверь. – Надо же, ты сегодня весь в чистом. Помирать собрался?

– На свидание пойду, – Семигин сдул пылинку с лацкана парусинового пиджака, взгромоздил на тумбочку кожаный портфель и задумался, снимать ли туфли. – Ужиком накормишь? Но учти, я сегодня жру, как акула. Набегался. На вас работал.

– Накормлю, – пожал плечами Максим. – Если сам приготовишь. Жена уже не кормит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.